Т 3/5.

Многоуважаемому
Андрею Алексеевичу
Зеленко
от автора

Проф. Ал. Билимовичъ.

Соціальная теорія распредѣленія.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Акц. Общ. печатн. и издат. дѣла Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская, 6.
1916.

Зк

Пров. 1955
Пров 38

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Университета Св. Владиміра.
(Оттискъ изъ Университетскихъ Извѣстій за 1916 г.).

БИБЛИОТЕКА Коммунистической АКАДЕМИИ
417
36

Соціальная теорія распредѣленія.

Господствующимъ воззрѣніемъ экономистовъ является взглядъ на образованіе доходовъ, т. е. на тотъ процессъ, который обычно называется распредѣленіемъ, какъ на частный случай образованія цѣны. Слѣдствіемъ такого взгляда является то, что законы образованія доходовъ въ своихъ основахъ представляютъ собою проявленіе общихъ законовъ цѣны и мѣновой цѣнности.

Тѣсную связь теоріи цѣнности съ теоріей распредѣленія особенно подчеркнули представители теоріи спроса и предложенія. На такой точкѣ зрѣнія стоитъ и одинъ изъ новѣйшихъ сторонниковъ этой теоріи *K. Oldenberg*, который по поводу прибыли говоритъ, что она не отличается по своему строенію отъ продажной цѣны и не порождается одной причиной, а является равнодѣйствующей спроса и предложенія („Zur Preislehre" въ Festgaben für A. Wagner. Leipzig. 1905, стр. 277). Такого же мнѣнія держатся и русскіе представители теоріи спроса и предложенія, напримѣръ, проф. *Н. Х. Бунге* и его ученикъ, проф. *Д. И. Пихно*. Распредѣленіе, говоритъ послѣдній, происходитъ по экономическому принципу, „въ силу котораго владѣлецъ или владѣльцы всякой производительной силы получаютъ вознагражденіе сообразно тому, насколько участіе ихъ считается въ данное время и при данныхъ условіяхъ цѣннымъ. Такъ какъ цѣнность всѣхъ вещей и услугъ опредѣляется взаимной оцѣнкой вступающихъ въ договоръ участниковъ, по совокупности всѣхъ обстоятельствъ обмѣна, или, говоря иначе,—опредѣляется отношеніемъ между спросомъ и предложеніемъ, то изученіе теоріи доходовъ сводится къ изученію условій спроса и

предложенія для производительныхъ силъ, т. е. для предпринимательской дѣятельности, наемнаго труда, капитала и для присвоенныхъ человѣкомъ силъ природы. Этими условіями опредѣляется величина и колебанія предпринимательскаго дохода, заработной платы, прибыли и ренты" (Основанія политической экономіи. Пособіе къ лекціямъ. Вып. II. Кіевъ. 1899, стр. 190). Примѣровъ такого же взгляда среди многочисленныхъ экономистовъ, въ большей или меньшей мѣрѣ примыкающихъ къ теоріи спроса и предложенія, можно было бы привести очень много. На этой же точкѣ зрѣнія стоятъ *C. Menger* и его школа. Такъ для *Menger*'а: „...всѣ явленія цѣнности, какихъбы благъ они ни касались, одной и той же природы, и цѣнность въ смыслѣ ея мѣры во всѣхъ случаяхъ регулируется одними и тѣми же принципами. А такъ какъ... цѣна благъ есть слѣдствіе ихъ цѣнности для хозяйствующихъ людей и величина первой при всѣхъ обстоятельствахъ находитъ свой регулирующій принципъ также въ послѣдней, то ясно, что и земельная рента, процентъ на капиталъ и заработная плата регулируются согласно одинаковымъ общимъ положеніямъ" (Grundsätze der Volkswirtschaftslehre. Erster, allgemeiner Theil. Wien. 1871, стр. 143). *E. Böhm-Bawerk* въ общемъ также раздѣляетъ эту точку зрѣнія. „Почти всѣ, говоритъ онъ, важныя и трудныя проблемы, а особенно большіе вопросы о распредѣленіи дохода, земельной рентѣ, заработной платѣ и прибыли на капиталъ, имѣютъ свои корни въ этомъ ученіи" (т. е. ученіи о цѣнности) („Grundzüge der Theorie des wirtschaftlichen Güterwerts" въ Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik. N. F. XIII. 1886, стр. 8). О томъ же онъ говоритъ въ „Positive Theorie des Capitals". Такого же взгляда держатся экономисты-математики: *L. Walras*, *V. Pareto* и др. Опредѣленно высказывается по этому поводу между прочимъ экономистъ-математикъ *G. Cassel*. Для него: „Не существуетъ никакой особой проблемы распредѣленія; то, что называется ею, есть только одна сторона общей проблемы образованія цѣны".... („Die Produktionskostentheorie Ricardo's und die ersten Aufgaben der theoretischen Volkswirtschaftslehre" въ Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft. Bd. 57. 1901, стр. 91). Точно также, напримѣръ, математикъ *F. Y. Edgeworth* прямо говоритъ, что „общіе законы обмѣна, одинаково вѣрны и для... распредѣленія" („The theory of distribution" въ Quarterly Journal of Economics. Vol. XVIII. February. 1904. стр. 161).

Описаннаго взгляда держатся въ общемъ и американскіе экономисты, которые въ послѣднее время видвинулись своими изслѣдованіями по общей теоріи распредѣленія. Что касается одного изъ наиболѣе выдающихся американцевъ, *J. B. Clark*'а, то его взглядъ нѣсколько своеобразенъ, но въ концѣ концовъ сводится къ указанному господствующему мнѣнію (см. The distribution of wealth. New-York. 1899, гл. II). Онъ разсматриваетъ обмѣнъ и распредѣленіе, какъ части проблемы производства, и говоритъ слѣдующее. Производство благъ распадается на группы, напримѣръ, на производство хлѣба, стали и пр. Каждая группа распадается на подгруппы, напримѣръ, производство пшеницы, муки, печенаго хлѣба и пр. Распаденіе общественнаго дохода на части, достающіяся каждой группѣ и подгруппѣ, *Clark* называетъ „групповымъ распредѣленіемъ" (стр. 13). Оно опредѣляется рыночными цѣнами продуктовъ каждой группы и подгруппы. Поэтому: „Теорія цѣнности и теорія группового распредѣленія одна и та же" (стр. 24). Но это не есть распредѣленіе въ томъ смыслѣ, какъ оно понимается обычно. Проблема распредѣленія въ обычномъ смыслѣ—это, говоритъ *Clark*, есть вопросъ о томъ, какая часть дохода каждой подгруппы достается рабочему и какая капиталисту. Это то, что *Clark* называетъ „конечной частью распредѣленія", „конечнымъ раздѣленіемъ общественнаго дохода" (стр. 14—5). Оно, по его мнѣнію, не зависитъ отъ *рыночныхъ* цѣнъ (стр. 14). Но рыночныя цѣны въ статикѣ хозяйства совпадаютъ съ *нормальными* цѣнами, устанавливающимися на томъ уровнѣ, при которомъ „трудъ и капиталъ производятъ и получаютъ въ каждой отрасли столько же, какъ и въ другой" (стр 16). Вотъ черезъ эти нормальныя цѣны у *Clark*'а „групповое" и „конечное" распредѣленіе связываются другъ съ другомъ и проблема распредѣленія сливается съ проблемой цѣны. У другихъ американцевъ эта точка зрѣнія выражена еще болѣе ярко и опредѣленно. Такъ, *F. Fetter* прямо озаглавливаетъ параграфъ о заработной платѣ: „Заработная плата, какъ примѣръ общаго закона цѣнности", а въ другомъ мѣстѣ говоритъ, что даже: „Законъ ренты въ существенномъ пунктѣ и въ принципѣ является общимъ закономъ цѣнности, приложеннымъ къ частному виду объектовъ, удовлетворяющихъ человѣческія потребности" (The principles of economics with applications to practical problems. New-York. 1904, стр. 211 и 420). Ту же постановку вопроса находимъ у *E. R. Seligman*'а (Principles of economics with special reference to

american conditions. 2 ed. 1906, 264—5). А экономистъ *T. N. Carver* даже дѣлитъ экономическую теорію всего на три части: производство, потребленіе и расцѣнку (valuation). Распредѣленіе же онъ разсматриваетъ, какъ частный случай расцѣнки. При этомъ онъ слѣдующимъ образомъ группируетъ предметы расцѣнки („The place of the theory of value in economics“ въ Quarterly Journal of Economics. Vol. XVII. November. 1902, стр. 186; а также The distribution of wealth. New-York. 1908, стр. XIII):

расцѣнка
- благъ
  - потребительныхъ,
  - производительныхъ
    - земли и силъ природы,
    - капитала,
    - рабочихъ (при рабствѣ),
- услугъ
  - земли и силъ природы (рента),
  - капитала (прибыль на капиталъ),
  - рабочихъ (заработная плата),
  - предпринимателей (предпринимательная прибыль).

Характернымъ для этой схемы, равно какъ для ученія нѣкоторыхъ другихъ экономистовъ (напримѣръ, для математика *Walras*), является признаніе распредѣленія процессомъ расцѣнки не самихъ факторовъ производства, а ихъ услугъ. Наконецъ, на описанной точкѣ зрѣнія стоятъ изъ новѣйшихъ экономистовъ *J. Schumpeter* (Das Wesen und der Hauptinhalt der theoretischen Nationalökonomie. Leipzig. 1908, стр. 237 и „Bemerkungen über das Zurechnungsproblem“ въ Zeitschrift für Volkswirtschaft, Socialpolitik und Verwaltung. Bd. XVIII. 1909, стр. 112), а также *A. Landry*. „Такъ какъ, говоритъ послѣдній, доходы обыкновенно получаются при помощи обмѣна, то теорія обмѣна даетъ намъ вмѣстѣ съ тѣмъ возможность понять и то, какъ происходитъ распредѣленіе богатствъ (Manuel d'économique. Paris. 1908, стр. 493, а также 577). Ср. нашу книгу: Къ вопросу о расцѣнкѣ хозяйственныхъ благъ. Ч. I. Кіевъ. 1914, стр. 6—8.

Эту господствующую точку зрѣнія раздѣляемъ и мы. Общая теорія расцѣнки хозяйственныхъ благъ, по нашему мнѣнію, обнимаетъ, съ одной стороны, расцѣнку товаровъ и самихъ факторовъ, съ другой же стороны, расцѣнку участія хозяйственныхъ факторовъ въ хозяйственномъ процессѣ. Иными словами, теорія эта на ряду

съ обмѣномъ обнимаетъ и образованіе доходовъ или то, что обычно называется распредѣленіемъ, если только послѣднее происходитъ по договорному, частно-хозяйственному принципу, т. е. черезъ посредство механизма вольной расцѣнки. При наличности послѣдняго условія каждый доходъ представляетъ собою цѣну, платимую на рынкѣ за пользованіе соотвѣтственнымъ хозяйственнымъ факторомъ (доходъ отъ труда, прибыль и рента) или за пользованіе опредѣленнымъ сочетаніемъ нѣсколькихъ факторовъ (предпринимательская прибыль). Ученіе объ образованіи доходовъ тогда оказывается частнымъ случаемъ теоріи расцѣнки. Надо, впрочемъ, сказать, что даже въ томъ случаѣ, когда доходы устанавливаются не свободнымъ договорнымъ путемъ, а по авторитативному принципу, т. е. путемъ велѣнія общественной власти, образованіе доходовъ не перестаетъ быть случаемъ расцѣнки. Только тогда это случай не вольной, а указной цѣны или таксы.

Оплата хозяйственныхъ факторовъ представляетъ, однако, значительныя особенности. Притомъ каждый факторъ обладаетъ иными свойствами. Вотъ почему съ точки зрѣнія системы экономической теоріи цѣлесообразно выдѣлять ученіе о доходахъ въ особую часть, и въ ней дополнительно отдѣльно разсматривать каждый видъ доходовъ. Но, если взять самое основное въ образованіи доходовъ, то оно окажется общимъ съ основами процесса расцѣнки всѣхъ хозяйственныхъ благъ.

Такому сближенію теоріи доходовъ съ общей теоріей расцѣнки слѣдуютъ, однако, не всѣ экономисты.

Противъ него выступаютъ прежде всего тѣ авторы, которые выводятъ мѣновую цѣнность продуктовъ изъ высоты доходовъ, но послѣднюю опредѣляютъ уже независимо отъ цѣнности продуктовъ.

> Начало такому воззрѣнію положено уже *A. Smith*'омъ, сводящимъ цѣнность товаровъ къ доходамъ, а также *D. Ricardo*. Послѣдній въ столь часто цитируемомъ теперь письмѣ къ *Mac Culloch*'у пишетъ: „Въ концѣ концовъ, всѣ великіе вопросы о земельной рентѣ, заработной платѣ и прибыли должны быть объяснены пропорціями, въ которыхъ совокупный продуктъ распредѣляется между землевладѣльцами, капиталистами и рабочими, и которыя не связаны по существу съ ученіемъ о цѣнности“ (Цит. по проф. *П. Б. Струве*. Экономическая система М. П. Туганъ-Барановскаго“ въ Рус. Мыс. 1910. I, стр.

117). Къ тому же выводу приходитъ въ новѣйшей русской литературѣ проф. *Н. Н. Шапошниковъ*. Соотношеніе между теоріей цѣнности и теоріей распредѣленія представляется ему въ слѣдующемъ видѣ: „...проблема цѣнности приводитъ насъ къ проблемѣ распредѣленія. Если теорія распредѣленія дастъ намъ возможность опредѣлить величину заработной платы и прибыли, то мы можемъ считать проблему цѣнности въ общихъ чертахъ рѣшенной“ (Теорія цѣнности и распредѣленія. М. 1912, стр. 49). По мнѣнію автора, такимъ образомъ, существуетъ послѣдовательная зависимость, „цѣпь причинъ и слѣдствій“ (chain of causation): цѣна товаровъ зависитъ отъ высоты доходовъ, а послѣдняя опредѣляется самостоятельно собственными причинами. Замѣтимъ здѣсь же, что авторъ допускаетъ при этомъ ту ошибку, которую онъ самъ ловитъ у другихъ при разрѣшеніи вопроса о связи между цѣнностью продуктовъ и издержками производства. Какъ тамъ, такъ и здѣсь зависимость не послѣдовательная (successively), а взаимная (mutually). Изъ этой ошибки вытекаетъ грустный выводъ *Н. Н. Шапошникова*, сдѣланный имъ въ концѣ изложенія теоріи цѣнности (стр. 49), отсюда же еще болѣе безнадежный выводъ его относительно теоріи распредѣленія.

Съ мнѣніемъ этихъ авторовъ нельзя согласиться. Между цѣнами продуктовъ и высотой доходовъ существуетъ взаимная связь. Съ одной стороны, цѣна продуктовъ зависитъ отъ высоты доходовъ. Во-первыхъ, высота доходовъ, черезъ издержки производства вліяетъ на условія предложенія продуктовъ. Во-вторыхъ, она опредѣляетъ покупательную способность участниковъ мѣны и этимъ вліяетъ на размѣръ и характеръ спроса продуктовъ. Но, съ другой стороны, доходы въ свою очередь зависятъ отъ цѣнъ продуктовъ. Оплата труда разнаго качества, высота прибыли, размѣръ ренты съ различныхъ участковъ и предпринимательская прибыль въ различныхъ предпріятіяхъ устанавливаются въ зависимости отъ цѣнъ тѣхъ продуктовъ, которые создаются при участіи различныхъ факторовъ. Вотъ почему всякая теорія цѣнъ товаровъ, оторванная отъ расцѣнки участія хозяйственныхъ факторовъ, и всякая теорія современнаго образованія доходовъ, совершающагося черезъ посредство рыночнаго обмѣна, оторванная отъ расцѣнки продуктовъ — логически невозможны. Детальные вопросы той и другой могутъ быть изучаемы и отдѣльно. Это въ рядѣ слу-

чаевъ даже цѣлесообразно. Но, поскольку дѣло идетъ о выясненіи основного механизма цѣнъ и образованія доходовъ, то только построеніе, связывающее въ одной общей схемѣ то и другое, можетъ дать разрѣшеніе проблемы. И притомъ сразу двухъ проблемъ: мѣновой цѣнности продуктовъ и высоты доходовъ. Даже трехъ проблемъ, такъ какъ съ первыми двумя связанъ и составъ производства товаровъ.

Конечно, если доходы образуются не путемъ рыночной расцѣнки участія факторовъ въ хозяйственномъ процессѣ, а на основаніи велѣній общественной власти, то обратная зависимость доходовъ отъ цѣнъ товаровъ исчезаетъ. Но это случай, таксы, подчиняющійся совершенно инымъ законамъ. Кромѣ того, если устанавливается такса на товары, то въ свою очередь исчезаетъ строгая зависимость цѣнъ товаровъ отъ доходовъ. Аналогія и въ этомъ отношеніи полная.

Этого не принялъ во вниманіе *A. Nordenholz*. Отсюда его ошибочное утвержденіе, что распредѣленіе—централизованная форма раздѣла продукта, т. е. направляемая единой волей, а обмѣнъ—децентрализованная (Allgemeine Theorie der gesellschaftlichen Production. München. 1902, стр. 128—35 и 143—5). Что между основными законами обмѣна товаровъ и образованія доходовъ нѣтъ того различія, о которомъ говоритъ *Nordenholz*, это видно изъ поведенія самого автора. Ибо, касаясь отдѣльно распредѣленія (стр. 163—85) и мѣновой цѣнности товаровъ (стр. 198—224), онъ оба раза повторяетъ буквально цѣлыми отрывками одно и то же, мѣняя лишь слова „факторы производства“ на слово „товары“.

Къ этому надо прибавить, что строгая взаимная обусловленность цѣнъ товаровъ и доходовъ существуетъ лишь въ *статикѣ* народнаго хозяйства, при установившемся экономическомъ равновѣсіи. Въ то время, когда происходитъ сдвигъ этого равновѣсія, т. е. въ *динамикѣ* народнаго хозяйства, эта обусловленность можетъ нарушаться. Дѣло въ томъ, что осуществляется она черезъ соотвѣтственное приспособленіе производства. Между тѣмъ приспособленіе послѣдняго къ измѣнившимся условіямъ можетъ произойти не сразу. Въ этотъ переходный промежутокъ времени нарушается соотвѣтствіе между цѣнами товаровъ и такими доходами, какъ заработная плата, прибыль на капиталъ и рента. Образовавшееся не-

соотвѣтствіе заполняется измѣненіемъ прибыли предпринимателя, который получаетъ въ этомъ случаѣ особую конъюнктуральную прибыль или конъюнктуральный убытокъ.

Однако, описанное нарушеніе соотвѣтствія между цѣнами товаровъ и доходами является лишь временнымъ. Указанные выше конъюнктуральные прибыли и убытки предпринимателей вызываютъ измѣненіе состава производства. Всѣ стороны народнаго хозяйства приспособляются къ измѣнившимся условіямъ. Вновь устанавливается экономическое равновѣсіе при строгой взаимной обусловленность цѣнъ товаровъ и доходовъ. Конечно, новое равновѣсіе устанавливается на иномъ уровнѣ цѣнъ и доходовъ, равно какъ при иномъ составѣ, а часто и строѣ производства. Но такой сдвигъ во всѣхъ частяхъ народно-хозяйственнаго механизма именно подтверждаетъ высказанное выше положеніе о связи между проблемами цѣны и образованія доходовъ.

Кромѣ того, посколько экономическая теорія переходитъ отъ статики хозяйства къ изученію его динамики, для нея намѣчается, по крайней мѣрѣ на первое время совершенно опредѣленный путь. Подобно тому, какъ геометръ, изучая кривую, разлагаетъ ее на рядъ прямолинейныхъ элементовъ, такъ же экономическая теорія, изучая динамическій процессъ, можетъ разложить его на рядъ статическихъ состояній. Лишь нѣкоторые динамическіе вопросы требуютъ для своего рѣшенія изслѣдованія тѣхъ переходныхъ моментовъ, когда нарушено экономическое равновѣсіе и не проявляется строгая взаимная обусловленность цѣнъ и доходовъ. По счастію, изслѣдованіе такихъ моментовъ, представляющее исключительныя трудности, для рѣшенія большинства важнѣйшихъ динамическихъ вопросовъ и не нужно. Вопросы эти могутъ быть изучены при помощи *сличенія двухъ статическихъ состояній*, отличающихся другъ отъ друга различіемъ тѣхъ или иныхъ изучаемыхъ элементовъ.

Если же это такъ, то не только въ статикѣ, но и въ динамикѣ экономическая теорія въ правѣ отправляться отъ тѣсной взаимной связи, существующей между цѣнами продуктовъ и высотой доходовъ.

Разобраннымъ возраженіемъ не исчерпываются, однако, всѣ доводы, приводимые противъ сближенія проблемъ цѣны и доходовъ. Въ послѣднее время въ русской экономической литературѣ выросло новое теченіе, проводящее рѣзкое различіе между этими двумя

проблемами. Мы говоримъ о такъ называемой „соціальной“ теоріи распредѣленія. „Соціальной“ эта теорія названа ея авторами въ виду слѣдующаго. Распредѣленіе, говорятъ они, происходитъ на почвѣ опредѣленныхъ соціальныхъ отношеній, оно есть соціальный процессъ, отражающій соціальное неравенство участвующихъ въ немъ сторонъ. Высота доходовъ, по мнѣнію сторонниковъ этой теоріи, не можетъ быть объяснена вліяніемъ однихъ экономическихъ условій, какъ это можетъ быть сдѣлано для цѣнъ товаровъ, потому что доходы слагаются подъ вліяніемъ соотношенія соціальной силы борющихся классовъ. Поэтому „соціальная“ проблема распредѣленія принципіально отлична отъ „экономической“ проблемы мѣновой цѣнности.

Въ настоящее время уже намѣтилось нѣсколько варьянтовъ соціальной теоріи распредѣленія.

Проф. *С. И. Солнцевъ* различаетъ три теченія въ средѣ сторонниковъ этой теоріи: „a) направленіе идіографическое, сводящее проблему распредѣленія къ вопросамъ индуктивной соціологіи и не находящее въ ней проблемы съ теоретико-экономическимъ содержаніемъ (П. Б. Струве); b) соціально-органическую теорію распредѣленія (Р. Штольцманъ); и c) соціальную теорію распредѣленія въ собственномъ смыслѣ (М. И. Туганъ-Барановскій) („Новѣйшія теченія въ ученіи о распредѣленіи“. Новыя идеи въ экономикѣ. Сборникъ № 1. Спб. 1913, стр. 4 и 11—12). Въ классификацію эту, однако, съ трудомъ могутъ быть уложены всѣ разновидности соціальной теоріи распредѣленія. Довольно близко подходитъ къ соціальной теоріи направленіе, сводящее проблему распредѣленія къ проблемѣ отношеній. Это направленіе въ послѣднее время подробно развито въ русской литературѣ *С. И. Солнцевымъ*, который называетъ его „долевой теоріей распредѣленія“ (Заработная плата какъ проблема распредѣленія. 1911; а также указанная выше статья, стр. 36—40). *С. И. Солнцевъ*, впрочемъ, во многомъ расходится съ авторами соціальной теоріи.

Хотя соціальная теорія распредѣленія получила наибольшее развитіе въ работахъ новѣйшихъ русскихъ авторовъ, но зачатки ея мы встрѣчаемъ уже въ болѣе ранней нѣмецкой литературѣ. Къ числу этихъ раннихъ сторонниковъ соціальной теоріи надо отнести прежде всего *E. Dühring*'а.

О предшественникахъ нынѣшнихъ авторовъ, раздѣляющихъ точку зрѣнія соціальной теоріи, см. у *С. И. Солнцева.* Заработная плата... гл. V.

Dühring еще въ 1873 году высказалъ свои мысли о вліяніи на хозяйственныя отношенія, и въ томъ числѣ на распредѣленіе, „политическихъ формъ подчиненности и группировки", напримѣръ—рабства, наемнаго труда, собственности (*Евгеній Дюрингъ.* Курсъ національной и соціальной экономіи со включеніемъ наставленія къ изученію и критикѣ теоріи народнаго хозяйства и соціализма. Пер. съ 3-го изд. Спб. 1893, стр. 5). Онъ отличаетъ естественныя отношенія отъ насильственныхъ, политическихъ. „Экономическіе факты прожитой исторіи, говоритъ *Dühring*, могутъ быть научно поняты только путемъ изслѣдованія тѣхъ видоизмѣненій, которыя претерпѣваются результатами дѣйствія общихъ естественныхъ законовъ всякаго хозяйства подъ вліяніемъ данныхъ политическихъ формъ подчиненности и группировки. Такія учрежденія, какъ рабство и наемный трудъ, къ которымъ въ качествѣ неразлучнаго явленія, присоединилась основанная на захватѣ насильственная собственность, слѣдуетъ разсматривать какъ соціально-экономическія формы чисто политическаго характера... Хотя Адамъ Смитъ положилъ въ основу своихъ выводовъ схему свободнаго, въ его смыслѣ, общества, въ которомъ экономическія стремленія каждаго отдѣльнаго лица безпрепятственно слѣдуютъ естественнымъ побужденіямъ, но ему не удалось при этомъ отдѣлить естественныя отношенія отъ насильственныхъ, политическихъ, на которыя не косвенно только, но существеннымъ образомъ опирается традиціонный институтъ собственности"... (указ. соч., стр. 5). Въ распредѣленіи *Dühring* также различаетъ естественную, политическую и правовую стороны. „...легче понять, пишетъ онъ, что распредѣлительная политика, или, иными словами, стремленіе каждаго участника въ раздѣлѣ опредѣлить размѣръ причитающейся ему доли согласно съ собственными интересами, будетъ значительно видоизмѣняться, смотря по относительной ихъ силѣ, естественному положенію и воззрѣніямъ, которыми они руководствуются. Сотрудничество на равныхъ правахъ мыслимо здѣсь столько же, какъ и соединеніе силъ путемъ полнаго подчиненія одного изъ участниковъ... Между положеніемъ равенства сторонъ и тѣмъ, при которомъ одна изъ нихъ представляетъ собою ничтожество, а другая—всемогущество, возможенъ рядъ ступеней, о замѣще-

ніи которыхъ позаботилась міровая исторія, проявившая здѣсь самое пестрое разнообразіе. Полное значеніе различныхъ институтовъ права и безправія, созданныхъ исторіею, составляетъ необходимое условіе возможности правильно понять основы хозяйственнаго распредѣленія въ разныя эпохи" (указ. соч. стр. 10—11). Въ другомъ мѣстѣ *Dühring* замѣчаетъ, что не чистые законы производства, а политическіе законы, отливающіе въ извѣстную форму взаимныя отношенія зависимости между людьми, опредѣляютъ явленія народнаго хозяйства, а въ томъ числѣ и распредѣленія (см. указ. соч., стр. 490—2). Свое экономическое ученіе, учитывающее вліяніе этихъ отношеній зависимости, критически относящееся къ нормамъ права и стремящееся къ созданію свободнаго общества, *Dühring*, въ въ отличіе отъ ученія школы *Smith*'а и ученія соціалистическаго, вычурно называетъ „соціалитарнымъ" (указ. соч., стр. 498). Говоря о соціальныхъ отношеніяхъ, онъ на примѣрѣ „соединенія двухъ субъектовъ хозяйственной дѣятельности" показываетъ два вида этихъ отношеній. „...связь двухъ лицъ, замѣчаетъ онъ, можетъ основываться или на подчиненіи одной стороны другой, или же на взаимности совокупной ихъ дѣятельности и ихъ интересовъ. Подчиненіе можетъ имѣть двоякое основаніе. Оно проистекаетъ или изъ общаго перевѣса силы, являющагося на одной сторонѣ, или изъ спеціальнаго экономическаго преимущества положенія" (указ. соч., стр. 247). И далѣе онъ разсматриваетъ, какъ слагаются хозяйственныя явленія при каждой изъ этихъ двухъ связей. Это, между прочимъ, тѣ отношенія, о которыхъ позже говоритъ въ русской литературѣ *П. Б. Струве*. Для обозначенія хозяйственнаго строя, покоющагося на началахъ равенства, *Dühring*'а употребляетъ особый, вычурный, и потому не прививішійся, указанный нами выше терминъ: „соціалитарный" строй (см. указ. соч., стр. 303—4).

Свою точку зрѣнія авторъ проводитъ по отдѣльнымъ частямъ ученія о доходахъ. Такъ, о рентѣ онъ говоритъ: „ясно, что земельная рента постоянно и въ значительномъ размѣрѣ существуетъ повсюду, гдѣ земледѣліе ведется при посредствѣ какой-либо формы подчиненнаго труда. Политическій и соціальный характеръ первоначальнаго образованія ренты поставленъ тѣмъ самымъ внѣ всякаго сомнѣнія" (указ. соч., стр. 161). Такой же элементъ „насильственнаго распредѣленія и несправедливаго примѣненія силы" видитъ онъ и среди причинъ, по-

рождающихъ прибыль на капиталъ (указ. соч., стр. 175, 178) Говоря о заработной платѣ, онъ, правда, сводитъ законъ ея къ „закону издержекъ воспроизведенія“, но все же замѣчаетъ: „Должно помнить, что хозяйственныя послѣдствія вытекаютъ вовсе не изъ однѣхъ только хозяйственныхъ причинъ; напротивъ, весь соціальный строй, какъ и господствующіе въ немъ размѣры доходовъ разнаго рода въ значительной мѣрѣ зависятъ отъ причинъ первоначально политическихъ“ (указ. соч., стр. 186). Точно также, подобно нынѣшнимъ сторонникамъ соціальной теоріи распредѣленія, *Dühring* удѣляетъ много вниманія вліянію на заработную плату и прибыль рабочихъ союзовъ (указ. соч., стр 317 и слѣд.).

Однако, взгляды *Dühring*'а отличаются двумя характерными чертами. Мы обращаемъ на нихъ вниманіе, такъ какъ въ нихъ сказывается рѣзкое отличіе теоріи *Dühring*'а отъ нынѣшней соціальной теоріи. Первой чертой является то, что *Dühring* вопреки нынѣшнимъ авторамъ не проводитъ никакого принципіальнаго различія между теоріей мѣновой цѣнности товаровъ и теоріей распредѣленія. Такъ, онъ говоритъ о расцѣнкѣ товаровъ вообще, затѣмъ въ видѣ примѣровъ разсматриваетъ установленіе дисконтнаго процента (стр. 135) и установленіе высоты заработной платы (стр. 139). А далѣе опять беретъ вещи и отмѣчаетъ лишь, что конкурренція сильнѣе уравниваетъ цѣны вещей, нежели цѣну труда, вслѣдствіе „возможности распредѣленія избытка товара въ пространствѣ и во времени“ (стр. 142—3). Вліяніе политическихъ элементовъ подчиненія, по *Dühring*'у, сказывается вовсе не на одномъ распредѣленіи, а и на мѣновой цѣнности товаровъ. Объ этомъ онъ говоритъ совершенно опредѣленно: „Сверхъ сопротивленія, представляемаго природою... существуетъ и другое, чисто соціальное препятствіе, затрудняющее снабженіе человѣка нужными ему предметами... Мы не поймемъ почти ничего въ исторіи, если захотимъ игнорировать эту, такъ сказать, соціальную цѣнность и отрицать ея силу, господствующую надъ обмѣномъ... Согласно изложенному, слѣдуетъ различать «цѣнность производства» (Productionswerth) и политико-соціальную «цѣнность положенія» (Positionswerth), т. е. два рода экономическаго значенія вещей и услугъ, два совмѣстно дѣйствующихъ принципа для опредѣленія такъ называемыхъ мѣновыхъ эквивалентовъ“ (стр. 23—5). Въ другомъ мѣстѣ онъ выражается еще яснѣе. Такъ, читаемъ: „...мы должны обратиться къ

цѣнамъ, такъ какъ въ нихъ проявляется, въ хозяйственной сферѣ человѣческихъ отношеній, дѣйствіе справедливости или несправедливости. Если понимать цѣны самымъ общимъ образомъ, какъ эквиваленты, въ которыхъ обмѣниваются услуги всякаго рода, то будетъ ясно, что въ нихъ должны выражаться отношенія не только производственныя, но и соціальныя... Для выясненія фактическихъ мѣновыхъ отношеній между товарами и услугами, должно наряду съ измѣреніемъ цѣнности трудностями производства принять въ расчетъ и вліяніе соціальныхъ эквивалентовъ власти" (стр. 254).

Второю характерной чертой является признаніе *Dühring*'омъ того, что вліяніе на высоту доходовъ и на цѣны товаровъ политическихъ элементовъ неравенства не препятствуетъ объясненію и первыхъ, и вторыхъ законами спроса и предложенія. Политическіе элементы такъ же укладываются, по его мнѣнію, въ схему спроса и предложенія, какъ и чисто-экономическіе, „производственные" элементы. Это видно изъ помѣщенія имъ вопросовъ о высотѣ доходовъ въ главѣ о спросѣ и предложеніи (см. отдѣлъ Ш, гл. I). Кромѣ того признаніе соціальнаго элемента въ цѣнности не мѣшаетъ ему писать слѣдующее: „нельзя сказать, что неправы тѣ экономисты, которые, при разсмотрѣніи вопроса объ установленіи цѣнности въ обращеніи имѣютъ въ виду только спросъ и предложеніе" (стр. 26—7). Объясняется это тѣмъ, что соціальныя вліянія дѣйствуютъ на цѣнность не помимо, а черезъ спросъ и предложеніе. „Измѣненія, говоритъ *Dühring*, въ ходѣ предложенія и спроса особенно ясно показываютъ, какимъ образомъ способность присвоенія и возможность облагать при обмѣнѣ одну изъ сторонъ данью... являются главными путями къ созданію соціальнаго... элемента цѣнности" (стр. 27).

Изъ приведенныхъ цитатъ видно, что *Dühring* особенно подчеркиваетъ вліяніе соціальныхъ отношеній равенства и неравенства. При этомъ на первый планъ онъ выдвигаетъ правовыя и политическія отношенія господства и подчиненія. Однако, соціальныя отношенія, по его мнѣнію оказываютъ вліяніе не только на распредѣленіе, т. е. на доходы, но и на цѣны товаровъ. Это важно. Ибо тогда, если должна быть „соціальной" теорія распредѣленія, то „соціальной" же должна быть и теорія мѣновой цѣнности. Во всякомъ случаѣ для *Dühring*'а въ этомъ отношеніи между обѣими теоріями нѣтъ никакого принципіальнаго различія. А потому, устанавливая

такое различіе, ссылаться на *Dühring*'а нельзя. Далѣе, по *Dühring*'у, соціальныя отношенія дѣйствуютъ на доходы и цѣны не помимо механизма спроса и предложенія, а черезъ него, вліяя на спросъ или предложеніе. Въ этомъ мѣстѣ ученіе *Dühring*'а также существенно отличается отъ новѣйшей соціальной теоріи распредѣленія.

Вторымъ предшественникомъ соціальной теоріи, на котораго авторы ея и изучающіе ее такъ часто ссылаются, является *R. Stolzmann*. Прибавимъ, что ссылки на него дѣлаются, между прочимъ, въ подтвержденіе коренного различія между теоріей цѣнъ и теоріей распредѣленія.

См., напримѣръ, *С. Н. Солнцевъ*. Заработная плата, стр. 207—18.

У *Stolzmann*'а мы, дѣйствительно, находимъ признаніе того, что высота доходовъ зависитъ отъ соціальныхъ условій. Такъ, онъ пишетъ: „Величина заработной платы, прибыли на капиталъ и ренты является также результатомъ соціальныхъ отношеній власти, а не одного естественнаго дѣйствія силъ, участвующихъ въ производствѣ“ (Die sociale Kategorie in der Volkswirtschaftslehre. Berlin. 1896, стр. 41; ср. также стр. 44—5). Или въ болѣе поздней работѣ: „Нѣтъ, размѣры участія въ продуктѣ зависятъ не отъ одной «природы», они не «желѣзные». Они связаны съ человѣческими учрежденіями, они отчасти дѣло рукъ человѣческихъ, и въ этой части могутъ быть измѣнены людьми и будутъ измѣнены ими“ (Der Zweck in der Volkswirtschaft. Die Volkswirtschaft als sozialethisches Zweckgebilde. 1909, стр. XI). Но *Stolzmann*, противополагая соціальныя условія экономическимъ, понимаетъ подъ ними ничто иное, какъ введенное въ научный оборотъ *Rodbertus*'омъ дѣленіе понятій на „историко-правовыя“ и чисто-экономическія“. *Stolzmann* совершенно опредѣленно говоритъ объ этомъ: „съ одной стороны, всякій хозяйственный организмъ связанъ съ остающимися всегда неизмѣнными условіями. Ихъ не могли и не смогутъ обойти ни изолированное хозяйство, ни античный общественный строй, ни современное, ни чисто соціалитическое государство со всѣми мыслимыми промежуточными ступенями, потому что эти условія покоются на неизмѣнныхъ законахъ природы. Эти условія состоятъ въ томъ, что въ данное время изъ даннаго первоначальнаго матеріала матери земли сообразно каждому состоянію человѣческой культуры и технической науки съ помощью данныхъ рабочихъ силъ

можно произвести только опредѣленныя количества благъ даннаго качества, служащихъ для удовлетворенія опредѣленныхъ потребностей въ зависимости отъ природы этихъ благъ и характера потребностей дѣтей рода человѣческаго.—*Это чисто-экономическія условія.*—Съ другой стороны, каждое коллективное хозяйственное образованіе, покоющееся на раздѣленіи труда, въ противоположность изолированному хозяйству, гдѣ господствуетъ одна чисто-экономическая категорія, находится подъ вліяніемъ условій, вытекающихъ изъ *соціальной* природы человѣка. изъ мѣняющихся время отъ времени историческихъ законовъ совмѣстной жизни и работы, равно какъ изъ организованныхъ отношеній господства и права, которыя люди сами установили для себя, какъ существа, обладающія свободной волей. Такъ какъ и посколько условія эти являются дѣломъ рукъ человѣческихъ, они могутъ быть и измѣнены человѣкомъ.—Эти элементы, въ отличіе отъ вышеупомянутыхъ *постоянныхъ*, отличаются *перемѣннымъ* характеромъ"... (Sociale Kategorie, стр. 7—8). При такомъ пониманіи соціальныхъ условій, современное распредѣленіе, конечно, является „соціальной" категоріей, и теорія должна учитывать вліяніе этихъ соціальныхъ условій. Но тогда и мѣновая цѣнность товаровъ также продуктъ этихъ условій. И *Stolzmann* не оставляетъ никакого сомнѣнія относительно того, что мѣновая цѣнность для него также соціальная категорія. Чисто-экономической для него является лишь потребительная цѣнность. О мѣновой же цѣнности онъ говоритъ: „...моментъ, вытекающій изъ соціальнаго существа хозяйственнаго организма и изъ опредѣляемыхъ этимъ существомъ отношеній власти между отдѣльными производителями, называется, въ виду его исторической измѣнчивости, историческимъ элементомъ, исторической категоріей—для современнаго общества его можно называть «мѣновой цѣнностью» (Sociale Kategorie, стр. 22). Поэтому *Stolzmann* не дѣлаетъ принципіальнаго различія между современнымъ обмѣномъ и современнымъ распредѣленіемъ. Такъ, на стр. 331 онъ пишетъ: „процентъ есть лишь историческая категорія", а на стр. 422 о томъ же процентѣ онъ говоритъ: „Но ничего иного, какъ проблему цѣнности, нельзя видѣть и въ проблемѣ процента на капиталъ". И это вполнѣ понятно. Если процентъ предполагаетъ наличность извѣстныхъ соціальныхъ условій, напримѣръ, частной собственности на капиталы и опредѣленное распредѣ-

леніе капиталовъ между людьми, то, вѣдь, и мѣновая цѣнность всякаго товара предполагаетъ частную собственность на товары и извѣстное распредѣленіе ихъ между отдѣльными хозяйствами. Въ новой своей работѣ (Zweck in der Volkswirtschaft) *Stolzmann* расширилъ понятіе „соціальной категоріи". Онъ понимаетъ теперь подъ ней всякое „регулированіе" общественной жизни человѣкомъ и различаетъ: 1) „регулированіе, какъ основаніе"—это хозяйственный строй, созданный существующимъ порядкомъ права и нравовъ (вліяніе его изслѣдовано въ первой ртботѣ), 2) „регулированіе, какъ цѣль"—это идея, желательное, представленіе о цѣли, выступающія въ качествѣ творческаго начала и дѣлающія обязательнымъ примѣненіе телеологическаго метода (вліяніе его изслѣдуется во второй, работѣ) (Zweck, стр. III). Мы не станемъ касаться этой части ученія *Stolzmann*'а. Обращаемъ здѣсь вниманіе только на то, что, если въ новой своей работѣ *Stolzmann* требуетъ приложенія „метода соціально-органическаго цѣлевого разсмотрѣнія", то онъ требуетъ приложенія его не только къ распредѣленію, но въ такой же мѣрѣ и къ вопросу о мѣновой цѣнности товаровъ (Zweck, стр. 681).

Приведенныя нами мѣста показываютъ, что *Stolzmann* также подчеркиваетъ дѣйствіе соціальной категоріи. Но прежде всего, поскольку рѣчь идетъ о чисто-познавательномъ содержаніи его работъ, „соціальная категорія" является въ его ученіи либо просто мѣняющимися историко-правовыми предпосылками, либо цѣлями, т. е. мотивами, опредѣляющими дѣйствія хозяйствующихъ людей. Несомнѣнно, что освѣщеніе вліянія мѣняющихся въ исторіи правовыхъ и иныхъ соціальныхъ условій важно. Въ этомъ заслуга работъ *Stalzmann*'а, такъ какъ вліяніе это не всегда достаточно оцѣнивалось. Вырастаетъ, поэтому, особая проблема введенія въ теоретическія схемы экономической науки тѣхъ соціальныхъ условій, которыя пока въ нихъ не введены. Но въ этомъ смыслѣ „соціальная" теорія *Stolzmann*'а требуетъ лишь дополненія экономическихъ схемъ, а отнюдь не влечетъ за собою ихъ неизбѣжнаго паденія. Это первое. Второе, что необходимо отмѣтить—это то, что, по *Stolzmann*'у, вліяніе соціальной категоріи сказывается не только при образованіи доходовъ, но и при установленіи мѣновой цѣнности товаровъ. Въ виду этого и на *Stolzmann*'а никакъ нельзя ссылаться при про-

веденіи принципіальнаго различія между проблемой цѣнности товаровъ и проблемой распредѣленія. А между тѣмъ такія ошибочныя ссылки неоднократно дѣлаются.

Первымъ русскимъ авторомъ, развившимъ своеобразную соціальную теорію распредѣленія, является проф. *П. И. Георгіевскій.*

Теорія эта, названная самимъ авторомъ „теоріей общественности", изложена *П. И. Георгіевскимъ* впервые въ 1896 году въ послѣднемъ выпускѣ 2-го изданія курса политической экономіи. Дальнѣйшее развитіе эта теорія получила въ 3-мъ изданіи курса (Политическая экономія. Спб. 1901, особенно отд. III, гл. VIII и IV). „Теорія общественности" сводится къ слѣдующему. Тотъ избытокъ цѣнности продукта, который является источникомъ чистыхъ частно-хозяйственныхъ доходовъ, и между прочимъ источникомъ прибыли, есть результатъ вліянія „общественности". Разныя теоріи, говоритъ *П. И. Георгіевскій*, приписывали этотъ избытокъ цѣнности то природѣ, то капиталу, то труду, и всѣ эти теоріи оказались несостоятельными. „Мы, замѣчаетъ онъ, приписываемъ этотъ избытокъ содѣйствію *общественности*, такъ какъ только при общественной организаціи производства онъ можетъ появиться и дѣйствительно появляется" (указ. соч., стр. 537). Онъ даже связываетъ этотъ избытокъ съ „общими издержками народнаго хозяйства", являющимися „расходами на поддержаніе и развитіе общественности"; и „этимъ-то расходамъ, по его мнѣнію, соотвѣтствуетъ обычный избытокъ цѣнности продукта, при окончаніи производства получаемаго" (указ. соч., стр. 533). Но выдѣлить этого избытка, созданнаго общественностью, нельзя. Поэтому часть его въ видѣ налоговъ и пожертвованій идетъ на поддержаніе и развитіе общественности (издержки общественности). Остальное дѣлится между участниками, образуя ихъ доходы. Однако, при этомъ происходитъ еще слѣдующее. Извѣстная доля того, что создается общественностью, становится общимъ достояніемъ и составляетъ съ частно-хозяйственной точки зрѣнія даровое благо. Эта доля выражается въ увеличеніи количества и улучшеніи качества благъ. Она не вліяетъ на мѣновую цѣнность продуктовъ и услугъ факторовъ. Такъ, созданныя общественностью, ставшія общедоступными завоеванія науки, отразившіяся на прогрессѣ техники, не создаютъ болѣе мѣновой цѣнности, отвѣчающей внесеннымъ ими въ производство усовершенствованіямъ. Они понизили издержки производ-

ства для всѣхъ, и мѣновая цѣнность товаровъ упала до этого уровня издержекъ. Всѣ пользуются большимъ количествомъ благъ, не оплачивая ихъ большею суммою мѣновой цѣнности. Наоборотъ, другая доля избытка, созданнаго общественностью, связана лишь съ опредѣленными видами имущества и труда. Такая связь существуетъ, напримѣръ, для участка, расположеннаго возлѣ выросшаго города. Эта доля усваивается не всѣми людьми, а лишь владѣльцами даннаго имущества или носителями даннаго труда, и входитъ въ частно-хозяйственные доходы этихъ лицъ. Исходя изъ этого, *П. И. Георгіевскій* объясняетъ и прибыль на капиталъ. Источникомъ ея является избытокъ цѣнности, создаваемый общественностью. Тогда исчезаетъ то противорѣчіе, которое неизбѣжно, по мнѣнію автора, при отысканіи источника прибыли въ продуктѣ самого капитала, какъ это дѣлаетъ теорія производительности капитала. Здѣсь *П. И. Георгіевскій* ссылается на знаменитое возраженіе противъ этой теоріи, сдѣланное *Böhm-Bawerk*'омъ. Если бы прибыль была продуктомъ капитала, то капиталъ цѣнился бы выше на сумму прибыли, и валовая прибыль равнялась бы издержкамъ, т. е. чистой прибыли не было бы Интересно отмѣтить, что указаніе на это противорѣчіе теоріи производительности служитъ однимъ изъ отправныхъ пунктовъ и для новѣйшихъ сторонниковъ соціальной теоріи распредѣленія, напримѣръ, для *М. И. Туганъ-Барановскаго*. Далѣе *П. И. Георгіевскій* анализируетъ условія, опредѣляющія высоту отдѣльныхъ доходовъ. При этомъ ренту онъ исключаетъ, такъ какъ придерживается теоріи дифференціальной ренты *Ricardo* (указ. соч., стр. 326). Поэтому рѣчь идетъ лишь о заработной платѣ, прибыли на капиталъ и предпринимательской прибыли. Высота этихъ доходовъ по мнѣнію *П. И. Георгіевскаго* опредѣляется распредѣленіемъ между различными классами и самою общественностью того избытка, который создается послѣднею. А это распредѣленіе, говоритъ онъ, происходитъ „на основаніи исторически развившихся обстоятельствъ“, на основаніи „вліянія“ и „силы“ каждаго класса (указ. соч., стр. 551). И далѣе онъ показываетъ, какъ первоначально первенствующую роль играла сила и всѣ выгоды отъ общественности получали господствующіе классы, какъ позже выдвигается значеніе капитала и владѣльцы его начинаютъ требовать себѣ долю избытка, какъ затѣмъ рабочіе предъявляютъ свои требованія на участіе въ результатѣ содѣйствія общественности (указ. соч., стр. 551).

Какъ видимъ, въ этой части ученія *П. И. Георгіевскаго* ясно выражены нѣкоторые основные элементы развившейся позже соціальной теоріи распредѣленія. Поэтому нельзя не выразить удивленія по поводу того, что новѣйшіе русскіе сторонники этой теоріи, въ томъ числѣ *М. И. Туганъ-Барановскій*, нигдѣ не называютъ *П. И. Георгіевскаго*. Это умолчаніе тѣмъ болѣе странно, что они не могли не знать содержанія курса разбираемаго ученаго.

Правда, теорія *П. И. Георгіевскаго* имѣетъ свои отличія. Во-первыхъ, авторъ при опредѣленіи высоты доходовъ не исключаетъ закона спроса и предложенія. Это видно, напримѣръ, изъ того мѣста, гдѣ онъ объясняетъ высоту процента (указ. соч., стр. 555). Во-вторыхъ, у него нѣтъ рѣзкаго противоположенія теоріи цѣнности и теоріи распредѣленія. Въ-третьихъ, онъ отыскиваетъ источникъ прибыли и предпринимательской прибыли въ избыткѣ, создаваемомъ общественностью, а не въ продуктѣ одного труда, какъ дѣлаютъ новѣйшіе сторонники соціальной теоріи распредѣленія. Этимъ онъ даетъ построеніе, не покоющееся на идеѣ эксплоатаціи труда владѣльцами капитала и предпринимателями, наоборотъ, даже отвергающее такую эксплоатацію, какъ неизбѣжную основу нетрудовыхъ доходовъ. Онъ не отрицаетъ возможности эксплоатаціи труда и при полученіи прибыли (указ. соч., стр. 552), и при полученіи предпринимательской прибыли (стр. 571). Но онъ рѣшительно опровергаетъ ту точку зрѣнія, по которой весь продуктъ долженъ быть приписанъ рабочему. Нормальные случаи полученія прибыли на капиталъ, равно какъ предпринимательской прибыли, онъ считаетъ закономѣрными, не противорѣчащими интересамъ общественнаго блага (стр. 571, 552—3).

Вопросъ о роли „вліянія“ и „силы“ соціальныхъ классовъ на высоту доходовъ мы разсмотримъ ниже. Здѣсь же по поводу теоріи *П. И. Георгіевскаго* замѣтимъ прежде всего, что нельзя объяснять доходы особымъ избыткомъ цѣнности продукта, создаваемымъ четвертымъ факторомъ производства—общественностью. Ибо, если даже признать такой особый факторъ и допустить, что онъ создаетъ извѣстную долю цѣнности, то нѣтъ абсолютно никакой возможности выдѣлить эту долю. Съ общественностью при нынѣшнихъ условіяхъ хозяйства связанъ причинно *весь* продуктъ, но тотъ же *весь* продуктъ связанъ причинно и съ трудомъ, и съ капиталомъ, и съ природой. А если такъ, то нельзя говорить и о распредѣленіи *особаго из-*

бытка, созданнаго общественностью. Далѣе. Если *П. И. Георгіевскій* считаетъ правильнымъ возраженіе *Böhm-Bawerk*'а противъ теоріи производительности капитала, то на это возраженіе должна натолкнуться и его теорія общественности. Въ самомъ дѣлѣ. Для лицъ, расцѣнивающихъ капиталъ, безразлично, почему онъ даетъ прибыль, потому ли что онъ самъ создаетъ продуктъ или потому что, владѣя имъ, можно присваивать извѣстную часть продукта общественности. Если онъ дастъ такую возможность то, согласно ходу разсужденія *Böhm-Bawerk*'а и *П. И. Георгіевскаго*, капиталъ долженъ и расцѣниваться настолько выше, насколько велика эта присваивающая способность капитала. Слѣдовательно, опять таки валовая прибыль равнялась бы издержкамъ, и чистой прибыли не могло бы получиться. Замѣтимъ попутно, что подобное же возраженіе имѣетъ силу и для сторонниковъ теоріи эксплоатаціи, опровергающихъ аргументами *Böhm-Bawerk*'а теорію производительности капитала. Ибо если капиталъ обладаетъ способностью присваивать часть продукта труда, то онъ и расцѣниваться будетъ выше въ мѣру этой своей способности. Это замѣчаніе, конечно, не относится къ тѣмъ теоретикамъ, которые теорію доходовъ считаютъ принципіально отличной отъ теоріи расцѣнки.

Несравненно болѣе близкимъ предшественникомъ новѣйшей соціальной теоріи распредѣленія является, однако, нѣмецкій ревизіонистъ *E. Bernstein*. Во всякомъ случаѣ у *Bernstein*'а позаимствована была русскими авторами ихъ основная идея противоположенія „экономической“ теоріи цѣнности и „соціальной“ теоріи распредѣленія. И мотивы, толкающіе на это противоположеніе, у *Bernstein*'а и у новѣйшихъ русскихъ авторовъ, какъ мы увидимъ далѣе, одни и тѣ же.

„Проблема заработной платы, говоритъ *Bernstein*, соціологическая проблема, которая никогда не можетъ быть объяснена чисто-экономически“ (Zur Geschichte und Theorie des Sozialismus. Gesammelte Abhandlungen. 4 Aufl. 1901, стр. 102). И въ другомъ мѣстѣ: „Распредѣленіе общественнаго богатства во всѣ времена было вопросомъ силы и организаціи... Соотношенія силъ въ настоящее время сдвигаются и формы организаціи находятся въ процессѣ превращенія, развитіе новыхъ формъ въ одной сферѣ отражается на развитіи ихъ въ другой, и равнодѣйствующая ихъ образуетъ факторъ, опредѣляющій распредѣленіе благъ“ (указ. соч., стр. 107).

Таковы предшественники нынѣшней соціальной теоріи распредѣленія.

Первымъ авторомъ, который долженъ быть включенъ въ число непосредственныхъ творцовъ новѣйшей соціальной теоріи распредѣленія, является проф. *П. Б. Струве*. Онъ первый въ русской литературѣ проводитъ принципіальное различіе между „экономической“ проблемой мѣновой цѣнности и „соціальной“ проблемой распредѣленія. Онъ впервые вообще вводитъ въ научный оборотъ понятіе „соціальной категоріи“, какъ категоріи неравенства, господства и подчиненія. Онъ подчеркиваетъ роль соціальной категоріи въ процессѣ образованія доходовъ. При этомъ онъ высказываетъ мнѣніе, что проблема распредѣленія есть: 1) проблема динамическая, а 2) проблема идіографическая, подлежащая вѣдѣнію не абстрактной теоріи, а индуктивной соціологіи, такъ какъ требуетъ учета реальнаго соотношенія соціальныхъ силъ. Второй пунктъ является отличительной чертой ученія *П. Б. Струве*.

Изложеніе взглядовъ *П. Б. Струве* на русскомъ языкѣ дано имъ впервые въ статьѣ „Основная антиномія трудовой цѣнности“ (Жизнь 1899).„... проблема распредѣленія общественнаго продукта между классами, говоритъ онъ, не связана непосредственно ни съ вопросомъ созданія продукта, ни съ вопросомъ объ образованіи и мѣрилѣ цѣнности, а является, по существу, проблемой присвоенія продукта (и цѣнностей) различными агентами общественнаго производства или, общѣе, хозяйства“ (стр. 305). Онъ упрекаетъ *Marx*'а въ томъ, что тотъ неправильно слилъ теорію цѣнности съ теоріей распредѣленія и установилъ между ними „реально несуществующую связь“. Въ другой своей статьѣ „Къ критикѣ нѣкоторыхъ основныхъ проблемъ и положеній политической экономіи“ (Жизнь, 1900. III и VI). *П. Б. Струве* пишетъ: „То, что обычно называется «распредѣленіемъ», совершается въ формахъ «хозяйственнаго общенія», но на почвѣ опредѣленныхъ соціальныхъ отношеній. Отсюда явствуетъ, что невозможно конструировать процессъ распредѣленія общественнаго продукта, не зная тѣхъ производительныхъ отношеній, на основѣ которыхъ онъ происходитъ. Другими словами, нельзя установить никакихъ абстрактныхъ положеній о распредѣленіи, никакихъ его законовъ. Какъ распредѣляется продуктъ между общественными классами, вовсе не вытекаетъ съ полной опредѣленностью ни изъ абстракт-

наго расчлененія общества на классы (таково было, повидимому, ошибочное мнѣніе Маркса), ни изъ роли объективныхъ факторовъ производства: силъ природы, капитала, труда (таково было мнѣніе вульгарной политической экономіи, смѣшавшей проблему «экономическаго вмѣненія» съ проблемой «соціальнаго распредѣленія»)" (VI, стр. 269). При этомъ подъ „соціальными" отношеніями *П. Б. Струве* понимаетъ не всякія отношенія людей другъ къ другу въ обществѣ, а только отношенія, вытекающія изъ „соціальнаго неравенства находящихся во взаимодѣйствіи хозяйствующихъ людей" (VI, стр. 255). На разборѣ этихъ мыслей мы далѣе остановимся. Здѣсь укажемъ лишь, что „вульгарные" экономисты проводятъ различіе между вмѣненіемъ и распредѣленіемъ. Такъ, напримѣръ, *Böhm-Bawerk* различаетъ „хозяйственное вмѣненіе" (Zurechnung) и „распредѣлительное надѣленіе" (Zuteilung), какъ дѣйствительное раздѣленіе выручки между нѣсколькими совмѣстно создававшими ее факторами". Первое, говоритъ онъ, относится къ субъективной расцѣнкѣ, второе—къ распредѣленію мѣновыхъ цѣнностей. Они могутъ и не совпадать. Второе объясняется первымъ, но не содержится еще въ немъ. (Positive Theorie des Kapitals. 3 Aufl. 1912, Excurs VII. Theorie der Zurechnung, стр. 199—201). Въ своей полемикѣ съ *М. И. Туганъ-Барановскимъ* (Экономическая система М. И. Туганъ-Барановскаго. Рус. М. 1910. I) *П. Б. Струве* вновь повторяетъ приведенныя выше мысли и прибавляетъ, что „проблема распредѣленія въ самыхъ ея существенныхъ моментахъ есть проблема «динамическая», а не «статическая»" и кромѣ того она „проблема «идіографическая», а не «номологическая»" (стр. 122). Изъ этого *П. Б. Струве* дѣлаетъ выводъ, что: „всякія разсужденія о «распредѣленіи вообще» безсодержательны. В. К. Дмитріевъ совершенно правъ, говоря, что проблема распредѣленія подлежитъ вѣдѣнію индуктивной соціологіи (Русская Мысль. 1909, ноябрь, стр. 109 и 110)" (тамъ же). Наконецъ, свое ученіе о „соціальной категоріи" и участіи ея въ образованіи доходовъ *П. Б. Струве* повторилъ и развилъ дальше въ своей диссертаціи: „Хозяйство и цѣна. Критическія изслѣдованія по теоріи и исторіи хозяйственной жизни. Часть первая. Хозяйство и общество.—Цѣна-цѣнность". (М. 1913, отдѣлъ I, гл. I). Здѣсь онъ различаетъ *хозяйственный* строй общества и его *соціальный* строй. При этомъ онъ замѣчаетъ, что: „Разные виды

соціальнаго строя могутъ быть расположены по степени осуществленія въ нихъ начала равенства (или неравенства). Иначе говоря: соціальный строй характеризуется отношеніями господства и подчиненія между человѣческими индивидуальностями" (указ. соч, стр. 16). Разные типы хозяйственнаго строя могутъ сочетаться съ различными видами строя соціальнаго. Изъ этого вытекаетъ самостоятельная природа каждаго. Въ связи съ этимъ *П. Б. Струве* различаетъ категоріи: хозяйственныя, междухозяйственныя и соціальныя. Послѣднія онъ опредѣляетъ такъ: „Эти категоріи выражаютъ явленія, вытекающія изъ взаимодѣйствія хозяйствующихъ людей, занимающихъ различное соціальное положеніе" (стр. 27). Основной предпосылкой ихъ является „классовое расчлененіе общества". Именно такія соціальныя категоріи представляютъ собою явленія распредѣленія. Если же послѣднія представляютъ собою явленія такой же расцѣнки, какъ и расцѣнка товаровъ, то это, по мнѣнію *П. Б. Струве,* не должно вводить въ заблужденіе. Соціальныя категоріи въ обществѣ, построенномъ по типу хозяйственнаго общенія, лишь „какъ бы принимаютъ *форму* категорій междухозяйственныхъ", „облекаются въ костюмъ междухозяйственныхъ категорій" (тамъ же). Но это не устраняетъ принципіальнаго различія между ними. И на этомъ-то покоится у *П. Б. Струве* обоснованіе коренного различія между проблемою мѣновой цѣнности и проблемою распредѣленія. „... изъ «хозяйственнаго общенія» и его категорій, пишетъ онъ, такъ же нельзя вывести соціальнаго строя и его категорій, какъ и, наоборотъ, изъ соціальныхъ категорій нельзя построить хозяйственнаго общенія и его категорій. Изъ теоріи цѣны хозяйственныхъ благъ нельзя вывести ученія о «распредѣленіи», хотя доходы всѣхъ трехъ классовъ—землевладѣльцевъ, капиталистовъ и рабочихъ—несомнѣнно реализуются въ цѣнахъ. Точно также изъ «распредѣленія» факторовъ производства между тремя классами нельзя вывести цѣны, хотя всякій продуктъ и всякая цѣнность должны заключать доли эти классовъ, «состоять» изъ «ренты», «прибыли» и «заработной платы»" (стр. 27). Въ этомъ сліяніи въ одну общую сѣть взаимоотношеній междухозяйственныхъ и соціальныхъ категорій лежитъ, по мнѣнію *П. Б. Струве,* особая трудность анализа современной хозяйственной жизни. Лишь различеніе тѣхъ и другихъ категорій можетъ облегчить этотъ анализъ. Такое различеніе и заставляетъ противополагать соціальныя категоріи—капиталъ и прибыль—хозяйственной категоріи—

цѣнности. Прибыль вытекаетъ изъ классового неравенства, тогда какъ „цѣнность, какъ общественное отношеніе, отличается тѣмъ отъ капитала, что оно есть такое отношеніе между покупателемъ и продавцомъ, для котораго *безразлично* классовое положеніе того и другого“ (стр. 32).

Дальнѣйшее обоснованіе и развитіе соціальная теорія распредѣленія получила въ работахъ проф. *М. И. Туганъ-Барановскаго*, который и является сейчасъ въ русской литературѣ главнымъ представителемъ этой теоріи.

Свои воззрѣнія *М. И. Туганъ-Барановскій* излагаетъ уже въ „Теоретическихъ основахъ марксизма“ (2 изд. 1905). Далѣе авторъ развиваетъ свою теорію въ статьѣ „Соціальная теорія распредѣленія“ (Рус. Мысль. 1910. I) и „Основахъ политической экономіи“. 2 изд. Спб. 1911). Позже выходитъ отдѣльной книгой его работа „Соціальная теорія распредѣленія“ (Спб. 1913. Отд. оттискъ изъ Изв. Спб. Полит. Инст. Имп. Петра В. 1913. Томъ XX). Эта же работа издана авторомъ на нѣмецкомъ языкѣ (Sociale Theorie der Verteilung. Berlin. 1913). Наконецъ, теорія автора изложена въ 3 изданіи „Основъ политической экономіи“ (Петроградъ. 1915).

„Истинная теорія распредѣленія, говоритъ *М. И. Туганъ-Барановскій*, не можетъ быть слѣдствіемъ какой бы то ни было теоріи цѣнности“ (Теоретическія основы марксизма, (стр. 187). Проблема распредѣленія, поэтому, разрѣшима лишь независимо отъ экономической теоріи цѣнности при помощи учета „соціальной силы борющихся общественныхъ классовъ“. Это и дѣлаетъ „соціальная“ теорія распредѣленія. „Особенность этой теоріи, сообщаетъ *М. И. Туганъ-Барановскій*, въ томъ, что она совершенно не связана ни съ какой опредѣленной теоріей цѣнности. Чѣмъ бы ни опредѣлялась цѣнность, изложенная теорія распредѣленія сохраняетъ свою силу... Объясняется это тѣмъ, что факторы, опредѣляющіе высоту, какъ прибыли, такъ и заработной платы, находятся за предѣлами рынка, внѣ сферы цѣнности“. (Рус. М. 1910. I, стр. 106). Какъ видимъ, здѣсь воспринята и повторяется основная мысль *Bernstein'а* и *П. Б. Струве*. Дальнѣйшая аргументація *М. И. Туганъ-Барановскаго* состоитъ въ слѣдующемъ. Онъ считаетъ, что „явленія распредѣленія составляютъ только извѣстную сторону процессовъ капиталистическаго производства и обмѣна“, и замѣчаетъ

даже, что „феномены распредѣленія совпадаютъ съ феноменами производства и обмѣна“ (Соціальная теорія распредѣленія, стр. 12, 13). Здѣсь нельзя согласиться съ совпаденіемъ явленій распредѣленія и производства, но нельзя возражать противъ признаваемаго авторомъ совпаденія явленій распредѣленія и обмѣна. Изъ этого совпаденія „феноменовъ“ надо было бы вывести и совпаденіе теорій, ибо онѣ изучаютъ не ноумены, а именно „феномены“. Однако, *М. И. Туганъ-Барановскій* далѣе проводитъ рядъ различій между явленіями распредѣленія и обмѣна.

1. „Говоря о явленіяхъ... обмѣна мы имѣемъ въ виду самый процессъ, говоря о явленіяхъ распредѣленія—окончательный результатъ процесса по отношенію къ интересамъ его участниковъ—трехъ названныхъ классовъ“ (тамъ же, стр. 13). По поводу этого замѣчанія о „процессѣ“ и „результатѣ“ необходимо сказать, что распредѣленіе вовсе не только результатъ, но также и процессъ. И этотъ процессъ все время имѣютъ въ виду на-ряду съ результатомъ его, когда говорятъ о распредѣленіи. Точно также, когда говорятъ объ обмѣнѣ, имѣютъ въ виду не только процессъ его, но и результатъ: цѣны и количества передвинутыхъ изъ рукъ въ руки благъ. Указанное различіе является, поэтому, плодомъ недоразумѣнія.

2. „Основой цѣнъ является оцѣнка индивидуума и единственнымъ возможнымъ исходнымъ пунктомъ научной теоріи цѣны можетъ быть анализъ психическихъ процессовъ индивидуума, которые находятъ себѣ выраженіе въ сужденіяхъ о цѣнности. Совершенно обратное мы замѣчаемъ въ теоріи распредѣленія. Ея исходнымъ пунктомъ ни въ коемъ случаѣ не могутъ быть индивидуалистическія сужденія о цѣнности, такъ какъ распредѣленіе представляетъ собою соціальный феноменъ, предполагающій совмѣстное дѣйствіе многочисленныхъ общественныхъ группъ. Если мы желаемъ понять связь многочисленныхъ дѣйствующихъ вмѣстѣ факторовъ, мы, очевидно, не можемъ отвлекаться отъ этой связи. Цѣнность логическая категорія хозяйства: ее можно наблюдать и въ хозяйствѣ отдѣльнаго индивидуума, такъ какъ хозяйство невозможно безъ оцѣнокъ. Распредѣленіе же—историческая категорія соціальнаго хозяйства и возможно только въ обществѣ, обладающемъ опредѣленной исторической структурой“ (тамъ же, стр. 13). Въ этомъ отрывкѣ нагроможденъ цѣлый рядъ ошибокъ: а) основой цѣнъ являются не однѣ оцѣнки индивидуума, а и рядъ

объективныхъ условій; б) съ другой стороны, и образованія доходовъ, т. е. распредѣленія, нельзя понять безъ привлеченія субъективныхъ элементовъ расцѣнки; въ этомъ отношеніи теорія обмѣна и теорія распредѣленія вполнѣ схожи другъ съ другомъ; в) цѣна также соціальный феноменъ; г) противоположеніе логической категоріи—цѣнности и исторической категоріи—распредѣленія насъ прямо удивляетъ у такого теоретика, какимъ является *М. И. Туганъ-Барановскій*; ибо при обмѣнѣ рѣчь идетъ не о субъективной, а объективной мѣновой цѣнности и цѣнѣ; послѣднія же, какъ это хорошо знаетъ *М. И. Туганъ-Барановскій* (см. Основы. 3 изд. 1915, стр. 71—2), являются такими же историческими категоріями, какъ и доходы, д) наконецъ, если явленій распредѣленія нельзя понять, отвлекаясь отъ связей между людьми, то и при пониманіи явленія цѣны нельзя отвлечься отъ этихъ связей. Объ этомъ мы подробнѣе говоримъ дальше

3. Между обмѣномъ товаровъ и расцѣнкой участія факторовъ существуетъ, по мнѣнію *М. И. Туганъ-Барановскаго*, еще слѣдующее основное различіе. При распредѣленіи: „Дѣло вовсе не обстоитъ такимъ образомъ, чтобы индивидуумъ могъ, напр., выбирать, чѣмъ ему сдѣлаться: рабочимъ, капиталистомъ или землевладѣльцемъ; ему не приходится продавать на рынкѣ, по своему выбору, либо рабочую силу либо капиталъ, либо земельную собственность. Роль каждаго участника въ соціальномъ процессѣ распредѣленія опредѣляется его соціальнымъ положеніемъ, его принадлежностью къ тому или другому классу. А эта принадлежность не зависитъ отъ индивидуальной воли“ (тамъ же, стр. 14). При обмѣнѣ товаровъ: „Если владѣлецъ пряжи найдетъ слишкомъ низкой цѣну, которую ему предложитъ покупатель за его пряжу, владѣлецъ пряжи можетъ прекратить производство этого товара и изъ продавца его превратиться въ покупателя“ (стр. 17). Ничего подобнаго не можетъ сдѣлать рабочій. Поэтому въ теоріи мѣновой цѣнности мы можемъ отвлечься отъ соціальнаго неравенства сторонъ, въ теоріи же распредѣленія такое отвлеченіе было бы „равносильно непониманію сущности проблемы“ (стр. 17). И, такъ какъ въ развитомъ капиталистическомъ хозяйствѣ главная масса товаровъ производится капиталистическимъ способомъ, то „всѣ товары слѣдуетъ разсматривать, какъ подлежащіе превращенію въ деньги въ рукахъ одного и того же общественнаго класса“ (стр. 14). Въ виду этого „методологически наука не

> въ правѣ разсматривать продавца одного изъ товаровъ, какъ болѣе сильнаго или болѣе слабаго въ соціальномъ отношеніи, чѣмъ продавца другого" (стр. 14). Здѣсь, говоритъ *М. И. Туганъ-Барановскій*, правомѣрна и даже обязательна „предпосылка соціальнаго равенства индивидуумовъ". Другое дѣло проблема распредѣленія: „участники актовъ распредѣленія не только не равны въ соціальномъ отношеніи, но именно въ этомъ неравенствѣ и состоитъ сущность самаго феномена распредѣленія. Въ актахъ распредѣленія сталкиваются представители разныхъ соціальныхъ классовъ" (стр. 15). Вотъ почему, хотя „въ реальной жизни величины заработной платы, прибыли и ренты опредѣляются отдѣльными индивидуумами на основаніи сдѣлокъ между отдѣльными лицами" и каждая изъ такихъ сдѣлокъ представляетъ собою мѣновой актъ", но доходы принимаютъ при этомъ лишь „*форму* цѣны"; разсматривать же по существу акты распредѣленія, какъ феномены цѣны, значило бы игнорировать указанное выше „соціальное неравенство контрагентовъ" (стр. 16—7). Этотъ доводъ *М. И. Туганъ-Барановскаго*, является повтореніемъ и дальнѣйшимъ развитіемъ приведенныхъ выше соображеній *П. Б. Струве*. Мы разсмотримъ его, поэтому, при общей оцѣнкѣ воззрѣній этихъ двухъ авторовъ, къ которой и переходимъ.

Разбираясь въ доводахъ *П. Б. Струве* и *М. И. Туганъ-Барановскаго*, приводимыхъ ими для доказательства особой соціальной природы теоріи доходовъ, отличной отъ экономической природы теоріи мѣновой цѣнности товаровъ, прежде всего остановимся на понятіи „соціальной категоріи".

Мы позволимъ себѣ замѣтить, что терминъ „соціальный" употребляется *П. Б. Струве*, какъ и другими авторами соціальной теоріи распредѣленія, со значительнымъ отклоненіемъ отъ его филологическаго и обычнаго значенія. „Соціальный"—это значитъ „общественный", т. е. относящійся къ общественной жизни людей. Съ этой точки зрѣнія всѣ явленія современнаго мѣнового хозяйства, при которыхъ одинъ человѣкъ вступаетъ въ сношеніе съ другими людьми, представляютъ собою „соціальную" категорію. И теорія доходовъ, поэтому, не болѣе „соціальна", нежели теорія мѣновой цѣнности товаровъ. Между тѣмъ соціальная категорія по ученію *П. Б. Струве* есть не всякая общественная категорія, а лишь категорія, характеризующаяся той или иной степенью осуществленія началъ равенства или неравенства въ отношеніяхъ между людьми. Это,

слѣдовательно, общественное явленіе, разсматриваемое съ особой точки зрѣнія. Особый разрѣзъ общественной жизни по линіи: равенство—неравенство.

При этомъ нынѣшнія отношенія распредѣленія характеризуются съ этой точки зрѣнія отношеніями неравенства, господства и подчиненія. Поэтому „соціальная", категорія для *П. Б. Струве* и для другихъ сторонниковъ соціальной теоріи распредѣленія попросту совпадаетъ съ „отношеніями неравенства". Такое пониманіе термина „соціальный", уже несомнѣнно является нецѣлесообразнымъ съуженіемъ слова „соціальный", такъ какъ, конечно, отношенія равенства даже съ указанной выше точки зрѣнія должны быть признаны соціальными.

„Представляется весьма сомнительной, замѣчаетъ по этому поводу *С. И. Солнцевъ*, методологическая правильность такого опредѣленія содержанія понятія «соціальнаго», какъ это дѣлаетъ П. Б. Струве". (Новыя идеи въ экономикѣ. I, стр. 13). Ср. также его замѣчанія въ работѣ: Заработная плата... (стр. 205).

Приданіе термину „соціальный" указаннаго выше значенія есть перенесеніе въ область экономической теоріи того словоупотребленія, которое имѣетъ мѣсто въ практической жизни и въ сферѣ экономической политики. Тамъ говорятъ о „соціальномъ вопросѣ", „соціальной борьбѣ", „соціальномъ законодательствѣ", имѣя при этомъ въ виду отношенія неравенства между людьми, послѣдствія этихъ отношеній и средства ослабленія неравенства. Вотъ эти представленія переносятся въ экономическую теорію подъ видомъ термина „соціальная категорія". При этомъ, какъ въ вопросахъ практической жизни въ основу соціальнаго вопроса и соціальной борьбы ложатъ вопросъ о положеніи различныхъ общественныхъ классовъ („соціальные классы") и борьбѣ ихъ („классовая борьба"), такъ и въ основу „соціальной категоріи" положены классы и ихъ неравенство.

Однако, когда въ практической жизни и даже въ экономической политикѣ говорятъ о „соціальномъ вопросѣ", то при этомъ въ словѣ „соціальный" соединяютъ много самыхъ различныхъ сторонъ этого вопроса, различныя точки зрѣнія и различное содержаніе хозяйственнаго, обще-политическаго и бытового характера. Поэтому перенесеніе такого многограннаго термина въ экономическую теорію и даже попытка реформировать при его помощи эту теорію,

безъ строгаго критическаго анализа термина „соціальный“, расчлененія его содержанія и изученія порознь его отдѣльныхъ сторонъ — представляется съ точки зрѣнія ясности и точности теоретическихъ построеній крайне нежелательнымъ. Мы боимся, что, если въ основу экономической теоріи будетъ положена такая неясная „соціальная категорія“, то теорія потеряетъ многое изъ того, чего до сихъ поръ добилась экономическая наука. Вѣдь, экономическая теорія, выросшая съ такимъ трудомъ, своимъ историческимъ ростомъ обязана какъ разъ обособленію нѣкоторыхъ сторонъ сложныхъ „соціальныхъ“ отношеній и спеціальному анализу этихъ выдѣленныхъ сторонъ. Если сразу подъ неяснымъ терминомъ „соціальная категорія“ теперь ввести въ теорію все сложное содержаніе общественной жизни, то опасаемся, что этимъ погублены будутъ многіе цѣнные результаты предыдущаго анализа.

Какъ много неясности вноситъ разбираемымъ терминомъ, видно хотя бы изъ того противоположенія „соціальной“ и „хозяйственной“ категоріи, которое дѣлаетъ *П. Б. Струве*, а за нимъ и другіе авторы соціальной теоріи распредѣленія. Они противополагаютъ „соціальную“ категорію категоріи „хозяйственной“ и на этомъ строютъ обособленіе теоріи распредѣленія отъ экономической теоріи обмѣна. Между тѣмъ тѣ отношенія господства и неравенства, вліяющія на высоту доходовъ, которыя *П. Б. Струве* и другіе авторы имѣютъ въ виду, когда они говорятъ о „соціальныхъ“ отношеніяхъ въ противоположность „хозяйственнымъ“ или „экономическимъ“, на самомъ дѣлѣ въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ являются отношеніями *экономическаго* господства и *экономическаго* неравенства. Когда авторы разбираемой теоріи говорятъ, что на прибыли и заработной платѣ отражается соотношеніе силъ капиталистовъ и рабочихъ, у нихъ передъ глазами стоитъ не что иное, какъ имущественное неравенство этихъ лицъ и имущественная зависимость однихъ отъ другихъ. Когда говорятъ, что рабочіе союзы увеличиваютъ мощь рабочаго класса и благодаря этому заработная плата подымается, то прежде всего здѣсь дѣло идетъ о чисто экономической разницѣ между положеніемъ людей, продающихъ свою рабочую силу при системѣ конкурренціи, и положеніемъ группы, создавшей для себя частичную или полную монополію на рынкѣ труда. То же можно сказать о многихъ другихъ аналогичныхъ условіяхъ. А тогда исчезаетъ смыслъ противопоставлять эти отношенія „эконо-

мическимъ", и уменьшается число основаній для построенія особой „соціальной" теоріи доходовъ. Далѣе тогда оказывается, что эта теорія напрасно называетъ себя „соціальной". Ибо по существу она все-таки остается прежде всего „экономической". Къ этому надо прибавить—и это весьма существенно—что „соціальная" категорія *П. Б. Струве*, т. е. экономическое неравенство сторонъ, имѣетъ мѣсто не только при образованіи доходовъ, но и при обмѣнѣ товаровъ. Оно вовсе не безразлично для отношенія между покупателемъ и продавцомъ, какъ это полагаетъ *П. Б Струве*.

> Сторонники соціальной теоріи распредѣленія сами мѣстами вынуждены признать это. Такъ, *М. И. Туганъ-Барановскій* говоритъ въ одномъ мѣстѣ: „Товарная цѣна, подобно праву и нравамъ, есть коллективный результатъ частью безсознательныхъ соціальныхъ процессовъ, въ которыхъ находятъ свое выраженіе господствующія въ данномъ обществѣ отношенія власти и зависимости соціальныхъ группъ" (Теоретическія основы марксизма. 2 изд. 1905, стр. 150). И въ этомъ отношеніи правъ проф. *В. Я. Желѣзновъ*, когда онъ, отмѣчая вліяніе на распредѣленіе „соціальныхъ факторовъ силы и зависимости" (Очерки политической экономіи. 7 изд. 1912, стр. 429, 854), говоритъ, однако: „Но, вѣдь, сама проблема цѣнности есть проблема соціальная, при разрѣшеніи которой приходится учитывать всѣ различныхъ соціальныхъ факторовъ" (стр. 856). Въ распредѣленіи, по его мнѣнію, эти факторы дѣйствуютъ только „съ большой отчетливостью и наглядностью" (тамъ же).

Въ самомъ дѣлѣ, развѣ мелкіе, средніе и крупные предприниматели, сельскіе хозяева и промышленники, дѣйствующіе при наличности конкурренціи и объединенные въ монопольныя организаціи—одинаково сильны въ рыночной борьбѣ за цѣны товаровъ? Развѣ цѣлый рядъ капиталистовъ и землевладѣльцевъ не вынужденъ продавать свои товары по какимъ угодно цѣнамъ, потому что ихъ капиталъ недостаточенъ и они опутаны неотложными долговыми обязательствами? Развѣ другіе, наоборотъ, не могутъ свободно выжидать лучшихъ цѣнъ? Развѣ, наконецъ, не покупается масса товаровъ рабочими у капиталистовъ и землевладѣльцевъ, или скупщиками у ремесленниковъ и кустарей, при такихъ условіяхъ, когда о „соціальномъ" равенствѣ сторонъ въ обмѣнѣ не можетъ быть и рѣчи? Если неравенство и другія соціальныя условія и дѣй-

ствуютъ сильнѣе въ области распредѣленія, нежели въ обмѣнѣ товаровъ, то это во всякомъ случаѣ только количественное различіе. Различіе это не даетъ никакого основанія теоретику для принципіальнаго разграниченія этихъ двухъ областей и построенія для нихъ двухъ кореннымъ образомъ различныхъ теорій.

Но этого мало. Мы не видимъ основаній для выдѣленія отношеній экономическаго неравенства въ особую категорію, такъ какъ цѣлый рядъ этихъ отношеній поддается теоретическому учету и можетъ быть включенъ въ общую схему рыночной расцѣнки. Такъ, имущественное неравенство участниковъ можетъ быть учтено путемъ принятія за данное опредѣленнаго распредѣленія запасовъ факторовъ производства между отдѣльными хозяйствами. Вліяніе стачекъ, рабочихъ союзовъ и другихъ организацій поддается учету путемъ допущенія наличности монопольной расцѣнки труда цѣлой группы рабочихъ. Особое вліяніе хозяйственной необезпеченности рабочихъ по сравненію съ владѣющими классами и вытекающая отсюда необходимость продавать рабочую силу по всякой цѣнѣ могутъ быть разложены на ихъ составные элементы и тогда по частямъ постепенно включены въ схему расцѣнки.

См. по этому поводу нашу книгу: Къ вопросу о расцѣнкѣ хозяйственныхъ благъ (Часть I. Кіевъ. 1914, стр. 25—6).

Здѣсь же умѣстно разобраться въ указаніи *М. И. Туганъ-Барановскаго* на классовое различіе сторонъ въ актѣ распредѣленія. Но сколько о немъ говоритъ *М. И. Туганъ-Барановскій,* оно сводится къ невозможности для рабочаго перестать быть рабочимъ, т. е. выступать въ качествѣ продавца рабочей силы. Эту фактическую обстановку онъ противополагаетъ обстановкѣ обмѣна товаровъ, при которой каждый производитель воленъ прекратить производство одного товара и начать поставку другого. Мы думаемъ, что на этомъ основывать принципіальное различіе между теоріей мѣновой цѣнности товаровъ и теоріей доходовъ нѣтъ никакихъ данныхъ. И, если бы все классовое различіе сводилось къ одному этому, то оно очень легко укладывалось бы въ общую схему рыночной расцѣнки. При данныхъ количествахъ каждаго фактора мы имѣли ли бы тогда тотъ случай расцѣнки, когда: блага невоспроизводимы, данъ ихъ запасъ и каждый участникъ владѣетъ лишь однимъ изъ благъ, а слѣдовательно можетъ выступать на рынкѣ продавцомъ только этого бла-

га. Теорія мѣновой цѣнности разрѣшаетъ такой случай. Если же количества капитала и рабочей силы, какъ это и наблюдается въ дѣйствительности, не остаются неизмѣнными, а мѣняются, то это тоже можетъ быть учтено теоріей. При этомъ для капитала сперва можетъ быть прямо дано измѣняющееся количество его. А затѣмъ въ виду того, что накопленіе капиталовъ представляетъ собою экономическое явленіе, измѣненіе запаса капитала можетъ быть получено при помощи построенія теоріи накопленія. Попытки такого построенія уже имѣются въ экономической литературѣ. Что же касается рабочей силы, то правильно указаніе *М. И. Туганъ-Барановскаго*, что воспроизведеніе ея подчинено инымъ законамъ, нежели воспроизведеніе вещей. Воспроизведеніе и умноженіе ея есть процессъ неэкономическій, лишь отчасти направляемый экономическими вліяніями. Поэтому экономическая теорія должна прямо брать у другой науки или мѣняющуюся численность населенія, или готовый законъ его роста. Конечно, передъ экономической наукой встаетъ при этомъ вопросъ, каковъ будетъ запасъ предлагаемаго труда при данномъ населеніи даннаго типа. Но и эту задачу экономическая теорія дѣлаетъ попытки рѣшать въ абстрактной формѣ. Укажемъ, напримѣръ, на графикъ *Jevons*'а. Въ общемъ мы все-таки имѣемъ тогда случай расцѣнки благъ, запасъ которыхъ опредѣленнымъ образомъ измѣняется, т. е. опять случай общей теоріи рыночной расцѣнки.

Таковы наши замѣчанія, если „соціальную категорію“ понимать въ смыслѣ отношеній неравенства.

Но если эту категорію понимать въ смыслѣ установившейся въ наукѣ со времени *Rodbertus*'а „историко-правой категоріи“, противополагая ее „чисто-экономической категоріи“, то все же (какъ это нами пояснено въ замѣчаніяхъ по поводу цитированныхъ выше мѣстъ изъ работы *М. И. Туганъ-Барановскаго*) не одно современное образованіе доходовъ, но и современный обмѣнъ есть въ равной мѣрѣ „историко-правовая категорія“. Слѣдовательно, опять-таки нѣтъ основаній для обособленія теоріи распредѣленія отъ теоріи обмѣна.

Наконецъ, если „соціальныя“ условія противополагать „экономическимъ“ и понимать подъ ними тѣ общественныя отношенія, которыя вовсе не носятъ экономическаго характера, или не являются экономическими непосредственно, каковы, напримѣръ, политическій и правовой строй общества, нехозяйственная дѣятельность об-

щественной власти, культурный уровень населенія, религіозныя, національныя и другія неэкономическія вліянія—то не подлежитъ сомнѣнію, что всѣ эти условія весьма сильно вліяютъ на оплату различныхъ хозяйственныхъ факторовъ. И благодаря росту финансоваго хозяйства, благодаря усиливающемуся вмѣшательству государственной власти въ частную хозяйственную дѣятельность, благодаря, наконецъ, развитію рабочихъ союзовъ и кооперативнаго движенія, а, съ другой стороны, объединенію цѣлыхъ отраслей промышленности, торговли, транспорта и кредита въ рукахъ монопольныхъ организацій—всѣ эти неэкономическія соціальныя вліянія сказываются на хозяйственной жизни теперь несравненно сильнѣе, нежели еще очень недавно. Съ каждымъ годомъ сила ихъ растетъ. Но 1) ихъ такъ и надо называть „неэкономическія“ соціальныя (общественныя) условія, 2) условія эти вліяютъ не только на доходы, но и на мѣновую цѣнность товаровъ, 3) теорія расцѣнки должна стремиться включать ихъ постепенно въ свои схемы. Нѣкоторыя наиболѣе основныя условія она уже и включаетъ. Таково, напримѣръ, включеніе современнаго правового строя путемъ введенія предпосылки частной собственности на продукты и факторы, равно какъ господства частно-хозяйственнаго принципа обмѣна и образованія доходовъ. Даже вліяніе такихъ условій, какъ развитіе самосознанія у рабочаго класса и связанное съ этимъ согласіе или нежеланіе его работать за извѣстную плату, можетъ быть включено въ теоретическую схему при помощи введенія въ нее данной субъективной тягости труда для рабочаго и опредѣленной интенсивности потребностей послѣдняго въ разныхъ хозяйственныхъ благахъ.

О томъ, при какихъ условіяхъ возможно было бы включеніе въ схемы расцѣнокъ нѣкоторыхъ другихъ нехозяйственныхъ условій, см. нашу указанную выше работу (стр. 19 – 22, 24, 26—7).

Послѣ всѣхъ сдѣланныхъ замѣчаній мы должны, однако, указать, что современная теорія доходовъ, дѣйствительно, слишкомъ мало удѣляла вниманія, какъ учету вліянія отношеній имущественнаго неравенства, такъ и анализу роли многочисленныхъ нехозяйственныхъ соціальныхъ условій. Въ этомъ отношеніи теорія доходовъ должна быть подвинута дальше. И въ этомъ смыслѣ экономическая теорія доходовъ должна воспользоваться здоровыми зернами, содержащимися въ соціальной теоріи распредѣленія. Самое

появленіе этой теоріи, при всѣхъ ея недостаткахъ, можетъ тогда оказаться полезнымъ для пополненія и поступательнаго развитія тѣхъ теоретическихъ схемъ, въ которыя экономическая наука пытается уложить сложныя явленія образованія доходовъ.

Интересенъ взглядъ по этому вопросу *Böhm-Bawerk*'а. Онъ называетъ „соціальное" направленіе за его крайности „экономическимъ сецессіонизмомъ". Но въ замѣткѣ о *Stolzmann*'ѣ *Böhm-Bawerk* пишетъ: „Я такъ же, какъ *Stolzmann* убѣжденъ, что дѣйствительное образованіе наблюдаемыхъ нами отношеній цѣны и дохода должно быть объяснено соединенными и проникающими другъ друга *чисто*-хозяйственными вліяніями *и* соціальными факторами господства. Крупная и еще нерѣшенная удовлетворительно проблема состоитъ, поэтому, въ выясненіи рода и мѣры вліянія, идущаго съ каждой изъ этихъ двухъ сторонъ, выясненіи того, насколько сильно дѣйствуютъ они въ одномъ и томъ же или въ противоположныхъ направленіяхъ. Эта глава соціальной экономіи еще не написана удовлетворительно. По этому поводу въ разное время высказывались разныя ошибочныя мнѣнія". Одно такое ошибочное мнѣніе — это теорія фонда заработной платы, считавшая безнадежными всѣ соціальныя мѣропріятія и воздѣйствія. Другое — соціалистическое ученіе о прибыли и рентѣ, считающее ихъ просто грубымъ грабежомъ цѣнностей, вытекающимъ изъ отношеній власти. „Въ дѣйствительности, продолжаетъ *Böhm-Bawerk*, и здѣсь истина лежитъ посрединѣ. Но точная линія, по которой она проходитъ, еще не показана. Теорія предѣльной цѣнности этого пока не сдѣлала. И въ этомъ отношеніи спорная въ общемъ критика *Stolzmann*'а содержитъ истинное зерно. Только *Stolzmann* видитъ тамъ ошибку, гдѣ имѣетъ мѣсто лишь пробѣлъ. Теорія предѣльной цѣнности совершенно основательно занималась до сихъ поръ систематическимъ и детальнымъ изложеніемъ дѣйствія однихъ чисто-хозяйственныхъ моментовъ. Дѣйствія соціальныхъ вліяній она вовсе не отрицала и не оставила его незамѣченнымъ — я могъ бы привести *Stolzmann*'у многочисленныя мѣста въ доказательство этого; она просто не разобрала пока его *ex professo*. Трудъ *Stolzmann*'а является сильнымъ и весьма почтеннымъ призывомъ къ пополненію этого пробѣла. Теорія должна быть готова къ этому и она будетъ готова" („Zur theoretischen Nationalökonomie der letzten Jahre" въ Zeitschrift für Volkswirtschaft, Sozialpolitik und Verwaltung. Bd.

VII. 1898, стр. 426—7). Въ новомъ изданіи „Positive Theorie des Kapitales“ *Böhm-Bawerk* даже спеціально оговаривается при изложеніи ученія о распредѣленіи: „посколько оно вообще обусловливается *экономическими* моментами“ (3. Aufl. 1912. Excurs VII, стр. 201). Другой авторъ, *A. Landry*, относясь отрицательно къ обособленію ученія о распредѣленіи отъ теоріи обмѣна, также не отрицаетъ роли отношеній неравенства и неэкономическихъ факторовъ. Онъ ссылается на статью *Halévy*, по мнѣнію котораго въ распредѣленіи дѣйствуютъ не однѣ механическія силы спроса и предложенія, но и многое другое: соціальное неравенство, аристократическіе предразсудки и недостаточное сознаніе рабочими возможности измѣнить нынѣшнюю хозяйственную систему. Поэтому *Halévy* признаетъ, подобно русскимъ сторонникамъ „соціальной“ теоріи, двѣ теоріи: одну для цѣнности товаровъ и другую, напримѣръ, для заработной платы. *Landry* по этому поводу замѣчаетъ: „Въ этой теоріи, несомнѣнно, кое-что можно удержать. Раньше всего мы знаемъ, что цѣнность не всегда точно опредѣляется чисто-экономическими факторами“. То же имѣетъ мѣсто и при расцѣнкѣ участія факторовъ. И здѣсь остается извѣстное поприще для торга и для неэкономическихъ факторовъ. Напримѣръ, сострадательный хозяинъ платитъ больше, нѣкоторые роды занятій оплачиваются очень высоко ради представительства фирмы и пр. „Въ этой теоріи, такимъ образомъ, есть доля истины. Но, поскольку она выступаетъ въ качествѣ исключительной теоріи, она непріемлема“, ибо не въ состояніи объяснить ни связи явленій, ни того процесса, при помощи котораго они происходятъ (Manuel, стр. 578—80).

Однако при этомъ мы полагаемъ, что: 1) въ указанномъ направленіи должна быть дополнена не только теорія доходовъ, но и теорія обмѣна товаровъ; 2) начинать все же необходимо съ анализа самыхъ важныхъ экономическихъ причинъ и учета наиболѣе основныхъ обще-соціальныхъ условій; лишь послѣ этого теорія доходовъ можетъ пополнять пробѣлы, остающіеся вслѣдствіе пропуска привходящихъ экономическихъ и неэкономическихъ моментовъ; 3) должно быть не только показано, какія соціальныя условія дѣйствуютъ на высоту различныхъ доходовъ и какъ они дѣйствуютъ, но кромѣ того должно быть указано, что для этого дѣйствія существуютъ предѣлы, за которые вліяніе указанныхъ условій не можетъ продвинуть высоты доходовъ, ибо за ними нарастаютъ пре-

пятствія, возвращающія доходы къ прежней нормѣ; такъ, стачка можетъ до извѣстнаго предѣла повысить заработную плату, но за этимъ предѣломъ настолько сильно сокращается спросъ на трудъ, что давленіе безработныхъ начинаетъ понижать высоту платы; наконецъ, 4) всѣ условія и вліянія должны быть проведены черезъ общій механизмъ рыночной расцѣнки, такъ какъ они вліяютъ на послѣднюю черезъ посредство этого механизма.

> По этому поводу *B. M. Anderson* замѣчаетъ: „Дѣйствительно, черезъ механизмъ распредѣленія неэкономическія цѣнности особенно сильно вліяютъ на экономическія. Заработная плата, процентъ, предпринимательскія прибыли, несомнѣнно, являются категоріями, покоющимися на опредѣленномъ законодательствѣ, и возможны лишь въ обществѣ со свободнымъ трудомъ и промышленной дѣятельностью, предоставленной усмотрѣнію частныхъ лицъ... Каждая соціальная система имѣетъ свою собственную схему распредѣленія. Но въ системѣ, подобной нынѣшней западной цивилизаціи, гдѣ человѣческія услуги, равно какъ употребленіе земли и орудій производства предлагаются на рынкѣ, подобно другимъ товарамъ, мы можемъ трактовать ихъ съ такимъ же основаніемъ, какъ и другіе товары, въ терминахъ анализа цѣны“ (Social value. A study in econcmic theory critikal and constructive. Boston and New-York. 1911, стр. 189—90).

Это въ связи со всѣмъ сказаннымъ выше позволяетъ намъ вмѣстѣ съ тѣмъ не согласиться съ утвержденіемъ авторовъ соціальной теоріи, что обмѣнъ и цѣнность для актовъ распредѣленія есть лишь *форма*. Нѣтъ, современное образованіе доходовъ не только по формѣ схоже съ рыночной расцѣнкой, не только „одѣто въ костюмъ ея“; оно *по существу* своему есть процессъ рыночной расцѣнки, частный случай ея. И помимо общей экономической теоріи расцѣнки оно не можетъ быть объяснено.

> По этому поводу даже *С. И. Солнцевъ*, близко подходящій по своимъ воззрѣніямъ къ соціальной теоріи распредѣленія, все же замѣчаетъ: „Въ этомъ пунктѣ возникаетъ новое сомнѣніе въ правильности разсматриваемой теоріи. Является ли въ современномъ хозяйствѣ цѣнность случайной формой явленій распредѣленія, не существенной для анализа заработной платы и прибыли, или же цѣнность—такое соціальное отношеніе, которое связываетъ всѣ распредѣлительные акты съ отношеніями производства и обмѣна и внѣ анализа котораго по-

> слѣдніе не могутъ быть поняты? Не отражается ли въ цѣнности и только въ цѣнности (какъ исторической категоріи, какъ опредѣленнаго общественнаго отношенія) соціальная основа всѣхъ трудовыхъ и нетрудовыхъ доходовъ? Если да, то внѣ момента цѣнности построить теорію распредѣленія невозможно" (Новыя идеи въ экономикѣ. I, стр. 33—4). Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, что возможность „элиминировать моментъ цѣнности въ проблемѣ распредѣленія" остается подъ большимъ сомнѣніемъ (тамъ же, стр. 33).

Но сторонники соціальной теоріи приводятъ еще слѣдующій доводъ. Перечисленныя выше и подобныя имъ другія „соціальныя" условія, вліяющія на доходы, лежатъ за предѣлами рынка, внѣ сферы мѣновой цѣнности. Поэтому установленіе послѣдней и образованіе доходовъ—два совершенно различные процесса. Что условія эти лежатъ за предѣлами рынка—это вѣрно. Но важно то, что ихъ дѣйствіе не можетъ сказаться на доходахъ, если оно не пройдетъ черезъ рынокъ, на которомъ эти доходы устанавливаются. Поэтому и въ теоріи, лишь проведя „соціальныя" вліянія черезъ экономическій механизмъ рыночной расцѣнки, можно говорить объ экономическомъ учетѣ ихъ и вообще о теоріи доходовъ въ экономической наукѣ. Безъ этого теоріи доходовъ, какъ теоріи хозяйственнаго явленія, не можетъ быть.

Кромѣ того, развѣ не то же самое наблюдаемъ мы въ области обмѣна товаровъ? Развѣ всѣ основныя условія, опредѣляющія мѣновую цѣнность товаровъ—потребности людей, запасы готовыхъ благъ и факторовъ, распредѣленіе ихъ между отдѣльными хозяйствами, высота издержекъ производства и др.—не лежатъ также за предѣлами рынка? Вѣдь, задача теоріи расцѣнки и состоитъ въ томъ, чтобы свести рыночную расцѣнку на условія, лежащія за предѣлами рынка, внѣ сферы мѣновой цѣнности. Въ этомъ отношеніи, слѣдовательно, опять таки нѣтъ никакого существеннаго различія между теоріей цѣнъ и теоріей распредѣленія. Въ первой должны быть взяты извѣстныя условія, лежащія за предѣлами рынка, приняты за данныя, и изъ нихъ должны быть выведены цѣны товаровъ. Совершенно такъ же должна поступать и теорія распредѣленія. И, если бы послѣднею были учтены перечисленныя выше условія и указаннымъ выше образомъ включены въ теоретическую схему, то далѣе всѣ эти условія дѣйствовали бы уже аналогично всякому

другому условію черезъ общій механизмъ рыночной расцѣнки. При такой постановкѣ проблемы теорія распредѣленія учла бы всѣ основныя „соціальныя“ вліянія и все же оставалась бы такой же „экономической“, какой является и теорія цѣнъ.

Конечно, для всего этого нужна большая полнота данныхъ, пока совершенно отсутствующихъ. Многія изъ этихъ данныхъ могутъ быть получены только путемъ „индуктивной соціологіи“. Этого нельзя отрицать. Въ этомъ доля правды, содержащаяся въ утвержденіи *П. Б. Струве*, что проблема „распредѣленія“ есть проблема „идіографическая“. Но развѣ многія основныя данныя для теоріи цѣнъ могутъ быть получены помимо той же идіографіи? Перестаетъ ли отъ этого общая теорія цѣны быть „номографической“? Вообще по поводу мнѣнія *П. Б. Струве*, что проблема образованія доходовъ есть проблема „идіографическая“ и „динамическая“,—мнѣнія, отличающаго взглядъ *П. Б. Струве* отъ теоріи *М. И. Туганъ-Барановскаго*— замѣтимъ, что ни исключительно идіографическаго, ни исключительно динамическаго характера проблемы доходовъ *П. Б. Струве* не доказалъ. Въ этой проблемѣ, какъ и въ проблемѣ обмѣна товаровъ, имѣются и номографическія, и идіографическія части. Точно также можетъ быть изучаема, какъ динамика, такъ и статика доходовъ.

Вопросъ объ идіографическомъ элементѣ въ расцѣнкѣ разсмотрѣнъ нами въ указанной выше работѣ (Къ вопросу о расцѣнкѣ хозяйственныхъ благъ, § 3). Что же касается статики и динамики доходовъ, то рядъ авторовъ отрицаетъ возможность существованія нѣкоторыхъ доходовъ въ статикѣ хозяйства. Такъ, *Clark* отрицаетъ въ статикѣ предпринимательскую прибыль, *Schumpeter* кромѣ того и прибыль на капиталъ. Но даже эти авторы не признаютъ всей проблемы распредѣленія исключительно динамической. Признаніе ее таковой со стороны *П. Б. Струве* является, думается намъ, слѣдствіемъ ошибочнаго мнѣнія, что проблема распредѣленія есть исключительно идіграфическая проблема.

Однако, сторонники соціальной теоріи распредѣленія и авторы, близко подходящіе къ нимъ, приводятъ еще слѣдующій доводъ въ пользу полнаго обособленія проблемы распредѣленія отъ теоріи мѣновой цѣнности. Проблема распредѣленія и проблема рыночной расцѣнки факторовъ, утверждаютъ эти авторы, разны по содержанію. Ученіе о распредѣленіи говоритъ о раздѣлѣ всего обще-

ственнаго дохода между классами и о законахъ этого раздѣла. Оно есть „проблема отношеній“. Доходы познаются въ немъ, какъ *доли* общественнаго дохода. Ученіе же о рыночной расцѣнкѣ можетъ дать лишь высоту заработной платы на душу, ренту съ единицы площади и прибыль на 100 единицъ капитала. Но эти вопросы не относятся къ распредѣленію въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Изъ этого различія проблемъ вытекаетъ въ свою очередь различіе методовъ изученія явленій расцѣнки и явленій распредѣленія. Къ первымъ приложимъ методъ индивидуалистическій, отправляющійся отъ отдѣльныхъ мѣновыхъ сдѣлокъ. Однако этотъ методъ не въ состояніи разрѣшить проблему долей, т. е. распредѣленія. Она можетъ быть разрѣшена только *соціально-органическимъ* методомъ, при которомъ раздѣлъ общественнаго дохода между соціальными классами разсматривается, какъ результатъ производственнаго процесса въ его цѣломъ.

Изложенный доводъ подробно развиваетъ *С. И. Солнцевъ*. Этотъ авторъ не во всемъ согласенъ съ соціальной теоріей распредѣленія. Защищаемую имъ теорію онъ называетъ „долевой теоріей распредѣленія“. Но въ разсматриваемомъ пунктѣ, основномъ для „долевой“ теоріи, эта послѣдняя совпадаетъ съ точкой зрѣнія авторовъ соціальной теоріи. „Вмѣсто того, пишетъ онъ, чтобы говорить о раздѣлѣ всего общественнаго дохода между общественными классами, какъ результатѣ общественнаго производственнаго процесса въ его цѣломъ, и устанавливать законы этого раздѣла на доли, традиціонная экономика имѣетъ дѣло исключительно съ заработной платой *per capita*, земельной рентой съ единицы площади, съ прибылью со 100. Формула общественнаго раздѣла — общественный доходъ равенъ всей суммѣ заработныхъ платъ въ странѣ + всей массѣ прибыли и земельной ренты — въ изложеніи индивидуалистическихъ теорій принимаетъ видъ совершенно неправильной формулы: общественный доходъ равенъ средней заработной платѣ *per capita* + средней прибыли, полученной со 100, + средней земельной рентѣ съ 1 акра. Такое трактованіе проблемы распредѣленія иначе нельзя назвать, какъ дѣйствительно теоріей псевдораспредѣленія“ (Заработная плата, стр. 19). Обычное ученіе о распредѣленіи онъ называетъ индивидуальнымъ распредѣленіемъ въ отличіе отъ проблемы отношеній, называемой имъ ученіемъ о соціальномъ распредѣленіи (тамъ же, стр. 16). Лишь

послѣднее онъ считаетъ настоящимъ ученіемъ о распредѣленіи. О различіи между индивидуалистической и соціальной точками зрѣнія и соотвѣтственными методами ученія о распредѣленіи см. у него же, стр. 12—27.

Объ этихъ двухъ точкахъ зрѣнія и двухъ методахъ говоритъ также *М. И. Туганъ-Барановскій.* „Каждый товаръ, пишетъ онъ, обладаетъ особой цѣной, и задача теоріи цѣнъ именно въ томъ и состоитъ, чтобы опредѣлить эти индивидуальныя различія цѣнъ. Цѣны всѣхъ товаровъ въ совокупности не могутъ составлять единое цѣлое и понятіе суммъ товарныхъ цѣнъ не имѣетъ смысла съ этой точки зрѣнія.. Теорія цѣнъ стремится объяснить различіе цѣнъ различныхъ товаровъ—задача теоріи распредѣленія совсѣмъ иная. Ее не интересуетъ заработная плата въ той или другой отрасли индустріи, но прежде всего средняя заработная плата, т. е. сумма заработныхъ платъ во всѣхъ отрасляхъ, дѣленная на сумму всѣхъ представителей рабочаго класса. Въ задачу теоріи цѣны не входитъ опредѣленіе суммы цѣнъ всѣхъ товаровъ въ цѣломъ. Теорія эта интересуется какъ разъ отношеніями, существующими, такъ сказать, внутри этой массы, между товарами, входящими въ ея составъ. Но одна изъ главнѣйшихъ задачъ теоріи распредѣленія заключается именно въ опредѣленіи отношенія между всѣми массами заработныхъ платъ, прибылей и рентъ въ опредѣленномъ обществѣ. Родбертусъ поступалъ совершенно правильно методологически, когда въ цѣляхъ созданія научной теоріи распредѣленія разсматривалъ всѣхъ рабочихъ, капиталистовъ и землевладѣльцевъ — какъ одного коллективнаго рабочаго, капиталиста и землевладѣльца“ (Соціальная теорія распредѣленія, стр 15—6). Въ курсѣ своемъ онъ говоритъ: „три названныхъ вида народнаго дохода связаны между собой въ процессѣ капиталистическаго хозяйства, и потому каждый изъ нихъ въ отдѣльности не можетъ быть понятъ самъ по себѣ, независимо отъ остальныхъ; между тѣмъ, методъ разсмотрѣнія заработной платы, какъ цѣны рабочей силы, процента, какъ цѣны пользованія капиталомъ, и ренты, какъ цѣны пользованія землей, именно и сводится къ игнорированію связи между этими видами народнаго дохода“ (Основы. 3 изд. 1915, стр. 414). Излагаемые доводы мы разсмотримъ ниже. Здѣсь же по поводу приведенныхъ словъ *М. И. Туганъ-Барановскаго* замѣтимъ слѣдующее. Вѣрно, что теорія цѣнъ не интересуется общею суммою цѣнъ „всѣхъ товаровъ въ цѣломъ“. Но и теорія доходовъ не интересуется

общею суммою всѣхъ доходовъ, т. е. заработныхъ платъ, прибылей, рентъ и предпринимательскихъ прибылей, взятыхъ вмѣстѣ. Она также интересуется „отношеніями, существующими, такъ сказать, внутри этой массы“ всего народнаго дохода. Мало того. Невѣрно и то, что теорію доходовъ интересуетъ исключительно одна *средняя* заработная плата. Ее не менѣе этого интересуетъ высота заработной платы отдѣльныхъ категорій труда. И ни одна мало мальски развитая теорія заработной платы не обходитъ и не можетъ обходить молчаніемъ этого важнаго вопроса. О причинахъ различій въ высотѣ оплаты разныхъ видовъ труда говорилъ, какъ извѣстно, уже *Smith*, потомъ *Ricardo*, этого же вопроса касался *Mill*, онъ же ставится по отношенію къ квалифицированному труду *Marx*'омъ и его послѣдователями. Поэтому и здѣсь мы не видимъ принципіальнаго различія между теоріей цѣны товаровъ и теоріей того, что называется обычно распредѣленіемъ. Тамъ стараются познать законы цѣнъ *различныхъ* товаровъ, здѣсь—законы образованія *различныхъ* доходовъ. Правда, по извѣстнымъ общимъ признакамъ мы группируемъ доходы въ небольшое число видовъ: заработная плата, прибыль, рента и предпринимательская прибыль. И для этихъ группъ можетъ быть поставленъ вопросъ объ относительной величинѣ ихъ. Но ниже мы показываемъ, что это вовсе не препятствуетъ признанію близости между теоріей цѣнъ и теоріей доходовъ. А кромѣ того и для цѣнъ иногда возникаютъ подобные „вопросы отношеній“. Напримѣръ, когда хотятъ узнать, сумма цѣнности какихъ продуктовъ растетъ быстрѣе—земледѣльческихъ или горныхъ и промышленныхъ, либо, когда интересуются тѣмъ, какъ измѣняются въ общемъ цѣны сельскохозяйственныхъ продуктовъ по сравненію съ цѣнами фабрично-заводскихъ.

О двухъ методахъ говоритъ, далѣе, *Н. Н. Шапошниковъ*, хотя онъ и выдвигаетъ при этомъ иныя основанія. Онъ различаетъ въ ученіи о распредѣленіи два вопроса: *почему* получаются доходы? и чѣмъ опредѣляется ихъ *высота?* „Обѣ эти проблемы отличаются вполнѣ самостоятельнымъ характеромъ“ (Теорія цѣнности и распредѣленія, стр. 53). Съ этими двумя проблемами *Н. Н. Шапошниковъ* связываетъ различіе методовъ. Вопросъ о величинѣ доходовъ можетъ быть разрѣшаемъ индивидуалистическимъ методомъ, на вопросъ же „почему?“ отвѣтъ можетъ дать лишь соціально-органическій методъ (тамъ же, стр. 53 — 4). По поводу этого соображенія *Н. Н. Шапошникова*

нельзя не указать, что на различіи вопросовъ „почему?“ и „сколько?“ нѣтъ никакого основанія строить двѣ „вполнѣ самостоятельныя“ проблемы въ ученіи о распредѣленіи. Причины, вообще создающія извѣстные доходы, тѣ же самыя, что и причины, опредѣляющія ихъ величину. Поэтому и задача отысканія ихъ одна и та же въ обоихъ случаяхъ. Самое большее, что можно здѣсь видѣть — это различіе между качественной и количественной стороной одной и той же проблемы. Мы говоримъ „самое большее“, потому что вопросъ „почему получается данный доходъ?“ уже содержитъ въ себѣ и нѣкоторый количественный элементъ. Но, даже признавая различіе указанныхъ проблемъ, мы не можемъ понять, вслѣдствіе чего отвѣтъ на вопросъ „почему?“ надо искать соціально-органическимъ методомъ, а на вопросъ „сколько?“ — индивидуалистическимъ. Оба вопроса могутъ быть разрѣшаемы и тѣмъ, и другимъ методомъ, и выборъ метода совсѣмъ не зависитъ отъ различія двухъ указанныхъ вопросовъ. Самъ *Н. Н. Шапошниковъ* не придерживается строго этой связи.

Наконецъ, этотъ же вопросъ подымаетъ *П. Масловъ*. Онъ также проводитъ рѣзкое различіе между проблемой распредѣленія, какъ вопросомъ о *доляхъ* труда и капитала,—и проблемой образованія *высоты* заработной платы. Онъ пишетъ: „...экономисты обыкновенно смѣшиваютъ двѣ проблемы. Проблему распредѣленія долей наемнаго труда и капитала изъ національнаго дохода [авторъ, очевидно, хотѣлъ сказать: „распредѣленія національнаго дохода между наемнымъ трудомъ и капиталомъ“. *А. Б.*] съ проблемой опредѣленія законовъ образованія и нормы заработной платы различныхъ категорій рабочихъ“ (Капитализмъ. Часть I. Наемный трудъ и заработная плата. СПБ. 1914, стр. 308). Или въ другомъ мѣстѣ: „Изъ выше сказаннаго еще отнюдь не слѣдуетъ, что проблема распредѣленія долей національнаго дохода между трудомъ и капиталомъ можетъ быть замѣнена и исключена анализомъ законовъ, регулирующихъ заработную плату“ (тамъ же, стр. 308).

По поводу этого довода надо сказать, что распредѣленіе, какъ „проблема отношеній“, не представляетъ ничего новаго въ наукѣ. Различіе между заработной платой на душу и заработной платой, какъ долей всего народнаго дохода, извѣстно и *Ricardo*, и другимъ экономистамъ. У нихъ же находимъ и прекрасные простые термины: „абсолютная“ и „относительная“ заработная плата. Приве-

денныя выше соображенія новѣйшихъ русскихъ авторовъ, несмотря на всю ихъ претенціозность, на фразы о новомъ взглядѣ и ошибкахъ большинства предыдущихъ экономистовъ, представляютъ собою лишь противоположеніе этихъ двухъ старыхъ точекъ зрѣнія на доходы, какъ на *абсолютныя* и *относительныя* величины. А если „проблема отношеній“ ничто иное, какъ отысканіе относительной величины доходовъ, то никакого принципіальнаго теоретическаго отличія этой проблемы отъ ученія объ абсолютной величинѣ доходовъ нѣтъ. Зная среднюю заработную плату разныхъ категорій рабочихъ и число рабочихъ каждой категоріи, среднюю прибыль на 100 и сумму капиталовъ, разную высоту ренты съ десятины и число десятинъ разной земли, разную высоту предпринимательской прибыли и число предпріятій разнаго типа, мы получаемъ формулу:

> Чистый народный доходъ = налоги + (заработная плата на душу × число рабочихъ) + (прибыль на 100 × сумму капиталовъ) + (земельныя ренты съ 1 десятины × число десятинъ разной земли) + (предпринимательскія прибыли въ предпріятіяхъ разнаго типа) за вычетомъ всѣхъ двойныхъ засчетовъ.

По этой формулѣ не трудно затѣмъ исчислить и тѣ „доли“, о которыхъ говорятъ разбираемые авторы.

Мы не отрицаемъ крупнаго, какъ чисто познавательнаго, такъ и практическаго интереса „проблемы отношеній“. Знать, какъ распредѣляется между отдѣльными классами и группами народный доходъ и какъ измѣняются во времени доли этихъ классовъ,—важно. Слѣдовательно, мы имѣемъ здѣсь интересный частный вопросъ ученія о доходахъ; вопросъ, какъ статическій, такъ и динамическій. Но все же мы имѣемъ только одну теоретическую проблему образованія доходовъ, разрѣшеніе которой даетъ одновременно и абсолютную, и относительную величину ихъ, въ зависимости отъ того, съ какой точки зрѣнія мы будемъ смотрѣть на нихъ.

Вопросъ же объ абсолютной высотѣ доходовъ даже сами сторонники „проблемы отношеній“ считаютъ проблемой цѣны.

> Такъ, *С. И. Солнцевъ* пишетъ: „Естественно, что, когда рѣчь заходитъ объ опредѣленіи высоты или общаго средняго уровня заработной платы, какъ конкретнаго явленія, какъ денежнаго выраженія, какъ товара [цѣны товара? *А. Б.*], то прин-

ципъ опредѣленія этого уровня долженъ быть общимъ съ принципомъ установленія всѣхъ товарныхъ благъ [цѣнъ товарныхъ благъ? *А. Б.*]. Въ этомъ пунктѣ проблема заработной платы уже перестаетъ быть проблемой распредѣленія, какъ такового, и сводится къ проблемѣ товарныхъ цѣнъ" (Заработная плата, стр. 169).

Вотъ почему и этотъ доводъ не является достаточнымъ основаніемъ для противопоставленія теоріи доходовъ и общей теоріи рыночной расцѣнки.

Не видимъ мы нужды и въ разграниченіи этихъ теорій по примѣняемымъ будто въ нихъ двумъ особымъ методамъ — индивидуалистическому и соціально-органическому. При построеніи обѣихъ теорій въ современномъ индивидуалистическомъ народномъ хозяйствѣ надо отправляться отъ мотивовъ отдѣльныхъ участниковъ и сдѣлокъ между отдѣльными лицами, т. е. надо примѣнять индивидуалистическій методъ. Это необходимо потому, что процессъ распредѣленія вовсе не происходитъ такъ, чтобы сначала продуктъ дѣлился между цѣлыми классами, а уже потомъ доли классовъ раздѣлялись между отдѣльными лицами. Наоборотъ, доходы сразу образуются въ отдѣльныхъ хозяйствахъ, и народный доходъ есть лишь цѣлесообразное, но нами построенное отвлеченное понятіе.

Что распредѣленіе происходитъ такъ, это признаетъ и *Н. Н. Шапошниковъ* (Теорія цѣнности и распредѣленія, стр. 54). *П. Б. Струве* считаетъ даже, что „самое понятіе распредѣленія есть методологическая фикція" („Экономическая система М. И. Туганъ-Барановскаго". Рус. М. 1910. I, стр. 120 и 121—2). Точно также недавно выступилъ съ отрицаніемъ самаго существованія „распредѣленія" общественнаго дохода *R. Liefmann*. Нѣтъ распредѣленія, говоритъ онъ, существуютъ лишь отдѣльные доходы, „...теорія распредѣленія опрокидываетъ вверхъ ногами проблему выручки. Тогда какъ въ дѣйствительности стремленіе отдѣльнаго хозяйствующаго лица къ выручкѣ естественно является руководящимъ моментомъ, приводящимъ въ движеніе весь мѣновой оборотъ, теорія эта исходитъ изъ искусственно построеннаго понятія общаго дохода или общей прибыли на капиталъ. Этотъ общій доходъ или эта «общая выручка производства» затѣмъ будто «распредѣляется»" („Die Entstehung des Preises aus subjektiven Wertschätzungen. Grundlagen einer neuen Preistheorie" въ Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. XXXIV. Bd. 1912, стр. 433).

Но одновременно съ примѣненіемъ индивидуалистическаго метода и образованіе цѣнъ, и образованіе доходовъ можетъ быть выяснено только тогда, если привлечь къ разсмотрѣнію всѣхъ участниковъ рынка и всѣ имѣющіеся на рынкѣ товары и хозяйственные факторы. Такое привлеченіе обязательно потому, что расцѣнка всѣхъ объектовъ взаимно обусловлена и представляетъ сложный механизмъ, всѣ части котораго другъ съ другомъ связаны. Въ этомъ смыслѣ для разрѣшенія указанныхъ проблемъ необходимо примѣненіе и соціально-органическаго метода. Идея этой связанности и построеніе общихъ схемъ для всѣхъ хозяйствъ, входящихъ въ данное народное хозяйство, взятыхъ вмѣстѣ, являются завоеваніемъ новѣйшаго развитія экономической мысли, главнымъ образомъ, математической школы. Но съ исторической точки зрѣнія и этотъ способъ разсмотрѣнія хозяйственной жизни не представляетъ чего-либо совсѣмъ неизвѣстнаго прежнимъ авторамъ. Онъ лишь возрожденіе идеи „*tableau économique*“ *F. Quesnay*, конечно, углубленной, исправленной и примѣненной къ инымъ явленіямъ.

Такія „экономическія таблицы“ видимъ мы въ схемахъ экономистовъ-математиковъ. О той же таблицѣ не случайно говоритъ *М. И. Туганъ-Барановскій* (Основы). Ее же видимъ въ схемахъ *П. Маслова* (Теорія народнаго хозяйства. Введеніе въ соціологію и политическую экономію. 1910, гл. XIV). Она же проглядываетъ въ діаграммѣ производства и распредѣленія, построенной *Н. Н. Шапошниковымъ* (Теорія цѣнности и распредѣленія, стр. 56), хотя содержаніе этой діаграммы и не можетъ быть признано удовлетворительно изображающимъ дѣйствительность.

Но, повторяемъ, примѣненіе такъ понимаемаго соціально-органическаго метода одинаково необходимо, какъ въ теоріи цѣнъ товаровъ, такъ и въ теоріи образованія доходовъ. Такимъ образомъ и съ этой точки зрѣнія между двумя теоріями нѣтъ различія.

Однако, сторонники соціальной теоріи распредѣленія приводятъ еще одинъ, послѣдній, доводъ въ пользу своей точки зрѣнія. Онъ сводится къ указанію на то, что ни одна изъ развитыхъ до сихъ поръ теорій распредѣленія вопроса не разрѣшила. Особенно же неудовлетворительно положеніе теоріи прибыли на капиталъ. Причина этого, говорятъ они, лежитъ въ томъ, что экономисты искали объясненія явленій распредѣленія на почвѣ теорій мѣновой

цѣнности, разсматривая доходы, какъ частный случай цѣны. Безуспѣшность всѣхъ сдѣланныхъ въ этомъ направленіи попытокъ доказываетъ, что безъ обособленія теоріи распредѣленія отъ теоріи цѣнности первая не можетъ быть построена. Такое обособленіе и положено, поэтому, въ основу соціальной теоріи распредѣленія.

М. И. Туганъ-Барановскій говоритъ по этому поводу: „въ то время, какъ въ области теоріи цѣнности царитъ полнѣйшее согласіе между различными направленіями новой теоріи, въ области распредѣленія мы наблюдаемъ полное разногласіе между ними. Теорія цѣнности Менгера та же, что и теорія Госсена, Джевонса, Вальраса, Кларка (не говоря уже о школѣ Менгера, Бемъ-Баверкѣ, Визерѣ и др.). Напротивъ, въ теоріи распредѣленія у каждаго крупнаго представителя школы имѣется своя собственная теорія, которую не признаютъ другіе. Теорія прибыли Менгера ничего общаго не имѣетъ съ теоріей наиболѣе выдающагося изъ его учениковъ Бемъ-Баверка; и теорія послѣдняго совершенно отличается отъ теоріи во многомъ столь близкаго ему Визера“ (Соціальная теорія распредѣленія, стр. 5). Изъ этого разногласія воззрѣній и безуспѣшности ряда объясненій *М. И. Туганъ-Барановскій* дѣлаетъ выводъ, что „всѣ попытки развить теорію распредѣленія, какъ спеціальный случай общей теоріи цѣнности, должны потерпѣть крушеніе, потому что проблема распредѣленія по своей внутренней природѣ не является проблемой цѣнности“ (тамъ же, стр. 6). Такого же мнѣнія, хотя и въ болѣе осторожной формѣ, держится *Н. Н. Шапошниковъ*. Онъ далъ разборъ всего нѣсколькихъ теорій прибыли, разборъ очень спорный, призналъ эти теоріи не объясняющими происхожденія прибыли, и отсюда приходитъ къ выводу, что указанное нами выше замѣчаніе *В. Дмитріева* и *П. Б. Струве* о томъ, будто распредѣленіе подлежитъ вѣдѣнію индуктивной соціологіи, весьма близко къ истинѣ; возможность же абстрактно-дедуктивнаго разрѣшенія проблемы распредѣленія онъ считаетъ подлежащей большому сомнѣнію (Теорія цѣнности и распредѣленія, стр II).

Мы думаемъ, что указанный доводъ имѣлъ бы значеніе лишь тогда, если бы были опровергнуты *всѣ мыслимыя* теоріи доходовъ, разсматривающія образованіе доходовъ, какъ случай рыночной расцѣнки, или же если бы была *логически* доказана вообще невозможность построенія такой теоріи. Ибо, если даже признать, что ни одна изъ существовавшихъ до сихъ поръ теорій не объяснила при-

были и другихъ доходовъ, все же заключать изъ этого, что такое объясненіе вообще невозможно — значитъ, совершать логическій скачекъ.

Но въ свою очередь разсмотримъ, какіе положительные выводы о причинахъ, опредѣляющихъ доходы, даетъ соціальная теорія распредѣленія. Такіе выводы мы находимъ у *М. И. Туганъ-Барановскаго.*

> Проблему распредѣленія, говоритъ этотъ авторъ, можно опредѣлить, „какъ проблему объ отношеніяхъ зависимости между доходами тѣхъ общественныхъ классовъ, которые связаны между собой условіями капиталистическаго производства и обмѣна“ (Соціальная теорія распредѣленія, стр. 12). Сообразно съ этимъ *М. И. Туганъ-Барановскій* относитъ къ ученію о распредѣленіи ученіе о доходахъ рабочихъ, капиталистовъ и землевладѣльцевъ. Доходы трехъ указанныхъ классовъ включаются въ область распредѣленія въ виду слѣдующаго: „три названныхъ вида общественнаго дохода отличаются отъ всѣхъ остальныхъ, прежде всего, тѣмъ, что они находятся въ тѣсной связи другъ съ другомъ въ процессѣ своего возникновенія“ (тамъ же, стр. 10). „Эти доходы, говоритъ онъ дальше, условіями капиталистическаго производства сплетаются въ одинъ неразрывный узелъ и пониманіе законовъ образованія одного изъ этихъ доходовъ невозможно безъ пониманія законовъ образованія двухъ другихъ. Въ объясненіи этой связи и заключается специфическая проблема распредѣленія—проблема sui generis, не сводимая ни къ какой другой“ (тамъ же, стр. 11). Въ виду этого же въ ученіе о распредѣленіи не входитъ ученіе о доходахъ мелкихъ самостоятельныхъ производителей (крестьянъ, ремесленниковъ). „Доходы мелкихъ самостоятельныхъ производителей говоритъ *М. И. Туганъ-Барановскій*, стоятъ внѣ указанной связи и потому въ ученіи о распредѣленіи для нихъ мѣста нѣтъ“ (тамъ же, стр. 11). Кромѣ того и нѣтъ нужды рѣшать вопросъ объ этихъ доходахъ въ ученіи о распредѣленіи. Въ самомъ дѣлѣ: „Отчего зависитъ величина этихъ видовъ дохода? Отъ количества и качества благъ, изготовленныхъ соотвѣтствующими производителями, цѣны ихъ и отъ издержекъ ихъ производства. Но экономическія условія производства являются предметомъ ученія о производствѣ, а условія образованія цѣнъ — ученія о цѣнѣ“ (тамъ же, стр. 9).

По поводу приведеннаго надо сдѣлать слѣдующія замѣчанія:

1. *М. И. Туганъ-Барановскій* ошибочно различаетъ лишь 3 вида основныхъ доходовъ. Онъ опускаетъ четвертый видъ—предпринимательскую прибыль. Послѣдняя есть результатъ извѣстнаго *сочетанія* хозяйственныхъ факторовъ и приданія имъ опредѣленнаго *конкретнаго назначенія*. Разницу между оплатой обособленныхъ не приложенныхъ факторовъ и оплатой конкретнаго сочетанія факторовъ и составляетъ предпринимательская прибыль.

2. Нельзя согласиться съ тѣмъ, что доходы мелкихъ самостоятельныхъ производителей стоятъ внѣ связи съ другими доходами. Высота заработной платы, прибыли, ренты и предпринимательской прибыли не остается безъ вліянія на доходы крестьянъ и ремесленниковъ. Кромѣ того, въ современномъ народномъ хозяйствѣ всѣ доходы и цѣны всѣхъ товаровъ, въ томъ числѣ продуктовъ крестьянскаго хозяйства и ремесла, связаны другъ съ другомъ въ одинъ неразрывный узелъ. Всѣ они другъ на друга воздѣйствуютъ, и пониманіе одного изъ нихъ невозможно внѣ связи съ другими. Если же абстрактной теоріи доходовъ нѣтъ нужды ставить отдѣльнаго вопроса о доходахъ мелкихъ самостоятельныхъ производителей, то объясняется это просто тѣмъ, что ихъ доходы разлагаются на 4 вида основныхъ доходовъ. Кромѣ того, какъ правильно указываетъ *М. И. Туганъ-Барановскій*, доходы эти равны цѣнамъ продуктовъ за вычетомъ издержекъ производства.

Полагая, что въ теоріи распредѣленія ставится вопросъ о трехъ основныхъ доходахъ—заработной платѣ, прибыли и рентѣ—, *М. И. Туганъ-Барановскій*, однако, ренту исключаетъ, такъ какъ признаетъ правильной теорію дифференціальной ренты *Ricardo*.

„Прямого дѣйствія, пишетъ *М. И. Туганъ-Барановскій*, на земельную ренту классовая борьба не оказываетъ, такъ какъ именно въ земельной рентѣ находитъ себѣ выраженіе зависимость человѣческаго хозяйства отъ внѣшней природы... ...Итакъ, мы имѣемъ полное право отвлекаться отъ земельной ренты при изученіи процесса соціальнаго распредѣленія. Земельная рента подчинена своимъ собственнымъ законамъ и эти законы въ извѣстномъ смыслѣ дѣйствуютъ за предѣлами соціальной борьбы. Земельные собственники могутъ пользоваться своею долей общественнаго продукта, совершенно не пуская въ ходъ силу своего соціальнаго положенія“ (Соціальная теорія, стр. 30—1).

Не станемъ касаться здѣсь вопроса о правильности теоріи *Ricardo*. Если она и правильна, все же соціальная теорія распредѣленія должна была бы показать, какъ именно соціальныя силы опредѣляютъ ренту и приводятъ образованіе ея въ соотвѣтствіе съ процессомъ, описаннымъ *Ricardo*. Ибо нельзя согласиться съ тѣмъ, что рента есть выраженіе одной зависимости хозяйства отъ внѣшней природы, какъ думаетъ *М. И. Туганъ-Барановскій*. Рента, какъ доходъ, съ точки зрѣнія соціальной теоріи распредѣленія должна быть признана выраженіемъ соціальнаго отношенія класса землевладѣльцевъ къ другимъ классамъ. Поэтому простая ссылка на теорію *Ricardo* не послѣдовательна въ устахъ сторонника соціальной теоріи. Теорія эта по крайней мѣрѣ должна была бы показать, какъ подъ вліяніемъ соціальныхъ силъ складывается дифференціальная рента и какъ исчезаетъ подъ вліяніемъ этихъ же силъ рента абсолютная.

Такого мнѣнія держится *С. И. Солнцевъ*. „Нельзя сказать, говоритъ онъ, чтобы это изъятіе такой важной и значительной части нетрудовыхъ доходовъ въ капиталистическомъ обществѣ, какой является доходъ землевладѣльцевъ, было благопріятно для «соціальной теоріи» распредѣленія, съ точки зрѣнія методологическихъ требованій. Этимъ изъятіемъ «соціальная теорія» уже съ самаго начала предрѣшаетъ себѣ удѣлъ ограниченности въ смыслѣ полноты и всесторонности объясненія съ строго выдержанной и стройно проведенной черезъ всю систему избранной точки зрѣнія явленій распредѣленія въ современномъ обществѣ“ (Новыя идеи въ экономикѣ. I, стр. 25).

Послѣ исключенія ренты остаются два вида дохода — заработная плата и прибыль на капиталъ. И вотъ, высота ихъ, по ученію *М. И. Туганъ-Барановскаго*, опредѣляется: 1) „производительностью общественнаго труда“ и 2) „соотношеніемъ соціальной силы капиталистовъ и рабочихъ“. Первое условіе опредѣляетъ величину общественнаго продукта, подлежащаго раздѣлу между общественными классами. Второе—ту долю этого продукта, которая поступаетъ въ распоряженіе каждаго класса.

См. объ этомъ: Соціальная теорія, стр. 48 и 90.

Въ этомъ конечномъ выводѣ прежде всего не показано, какимъ путемъ можетъ быть измѣрена величина общественнаго продукта, а, слѣдовательно, и высота производительности общественаго труда. Трудность такого измѣренія становится понятной, если принять во

вниманіе слѣдующее: 1) разнородныя хозяйственныя блага, составляющія общественный доходъ, не могутъ быть суммированы физически; 2) ихъ трудно суммировать и по мѣновой цѣнности, такъ какъ мѣновая цѣнность и цѣна — частно-хозяйственная, а не народно-хозяйственная категорія; какъ извѣстно, благодаря техническому прогрессу количество продуктовъ можетъ увеличиться, а цѣна ихъ упасть; наконецъ, 3) трудно суммированіе ихъ и по полезности, такъ какъ полезность—понятіе субъективное, несравнимое для разныхъ лицъ. Въ виду этихъ трудностей надо было либо совершенно обойтись безъ указаннаго понятія, либо указать точно, въ какомъ смыслѣ понимается производительность общественнаго труда и какъ она измѣряется.

На этотъ дефектъ обращаетъ вниманіе *С. И. Солнцевъ*. „Очевидно, говоритъ онъ, соціальная теорія распредѣленія прибѣгаетъ къ идеѣ производительности труда (техническій моментъ) изъ тѣхъ соображеній, чтобы обойти цѣнностную форму выраженія продуктовъ производства въ современномъ хозяйствѣ“ (Новыя идеи въ экономикѣ. I, стр. 33). Но онъ сомнѣвается въ томъ, что соціальной теоріи удалось это сдѣлать „безъ ущерба для ясности и безъ методологической погрѣшности (тамъ же). Еще дальше идетъ *П. Масловъ*. „А попытка, пишетъ онъ, объяснить высоту заработной платы производительностью труда безплодна и ошибочна прежде всего потому, что производительность труда различныхъ его видовъ несравнима. Въ самомъ дѣлѣ, какъ сравнить между собой производительность труда, напримѣръ, машиниста съ производительностью труда маляра, ткача, сапожника, кондуктора, кузнеца и т. д.“ (Капитализмъ. Ч. I, стр. 307). Вопросъ объ измѣреніи общей народно-хозяйственной производительности разсматриваетъ также *E. Philippovich* въ докладѣ „Das Wesen der volkswirtschaftlichen Produktiwität und die Möglichkeit ihrer Messung“ (Schriften des Vereins für Sozialpolitik, 132. Bd. 1910). Ср. указанную выше нашу работу (стр. 299—300).

Что же касается второго условія, т. е. соотношенія соціальной силы капиталистовъ и рабочихъ, то ссылка на него сама по себѣ еще ничего не объясняетъ. Сказать, что высота доходовъ опредѣляется „соотношеніемъ соціальныхъ силъ“ — это значитъ произнести общую фразу. Всѣ давно знаютъ, что на рынкѣ происходитъ борьба и результатъ ея отражаетъ соотношеніе силъ сторонъ. Весь

вопросъ въ томъ, чтобы показать, какія это силы, какъ онѣ дѣйствуютъ и какимъ путемъ изъ ихъ дѣйствія вырастаютъ такія хозяйственныя явленія, какъ высота доходовъ.

Правда, *М. И. Туганъ-Барановскій* даетъ перечень элементовъ, вліяющихъ на соціальную силу рабочихъ и капиталистовъ. Такъ, онъ указываетъ: стачку, предложеніе труда, спросъ на трудъ, профессіональные союзы, законодательство по охранѣ труда, страхованіе рабочихъ, возможность для рабочаго зарабатывать себѣ средства къ жизни путемъ самостоятельнаго производства, союзы капиталистовъ, картели и тресты, поддержку рабочихъ общественнымъ мнѣніемъ, вмѣшательство государственной власти подъ опасеніемъ политическаго движенія рабочаго класса и т. п. (Соціальная теорія, стр. 49—51). Но 1) этотъ перечень не полонъ, случаенъ и совершенно не систематиченъ; 2) нѣкоторыя изъ указанныхъ условій являются экономическими условіями, давно учитываемыми „экономическими“ теоріями доходовъ; таковы, напримѣръ, спросъ и предложеніе труда; прибавимъ къ этому, что они въ свою очередь должны быть объяснены, ибо сами зависятъ отъ высоты доходовъ; 3) перечисленныя условія не связаны у *М. И. Туганъ-Барановскаго* другъ съ другомъ, кромѣ того онъ не объясняетъ, какъ слагается изъ нихъ то общее „соотношеніе соціальныхъ силъ“, которое опредѣляетъ, по мнѣнію *М. И. Туганъ-Барановскаго*, высоту доходовъ; гдѣ же авторъ дѣлаетъ попытку такого объясненія, тамъ оно до нельзя односторонне; такъ, напримѣръ, колебанія спроса на рабочія руки вліяютъ, по мнѣнію *М. И. Туганъ-Барановскаго*, на заработную плату только тѣмъ, что „при оживленіи промышленности, когда прибыль капиталиста велика, стачка приноситъ капиталисту круглые убытки, и капиталистъ, чтобы избѣгнуть стачки, легко идетъ на уступки рабочимъ“; „напротивъ, при промышленномъ застоѣ капиталистъ не боится стачки, такъ какъ условія рынка требуютъ сокращенія производства, и рабочіе теряютъ возможность препятствовать пониженію заработной платы“ (тамъ же, стр. 51); мы думаемъ, что въ этомъ вопросѣ гораздо болѣе правильными оказываются старыя „экономическія“ теоріи заработной платы, которыя учатъ, что при повышеніи спроса на трудъ усиливается конкурренція между капиталистами, и помимо всякаго опасенія стачекъ они могутъ повышать заработную плату; напротивъ, при сокращеніи спроса на трудъ конкурренція рабочихъ

можетъ понижать ее; *М. И. Туганъ-Барановскій* указываетъ въ томъ же мѣстѣ, что развитіе рабочихъ союзовъ въ Англіи ослабило пониженія заработной платы въ періоды застоя; это вполнѣ понятно и для „экономической“ теоріи заработной платы; совершенно также монопольныя соглашенія предпринимателей ослабили пониженія цѣнъ товаровъ въ моменты сокращенія спроса на нихъ.

Въ виду сказаннаго мы считаемъ конечный положительный выводъ соціальной теоріи распредѣленія и не безупречнымъ, и пока довольно безсодержательнымъ.

См. по этому поводу замѣчанія *П. Б. Струве*, въ которыхъ онъ показываетъ, до чего безсодержательна въ конечномъ результатѣ соціальная теорія распредѣленія *М. И. Туганъ-Барановскаго* (Рус. М. 1910. I, стр. 119—23). Точно также *С. П. Солнцевъ* сознается, что теоретики ея „исходную соціальную или соціологическую предпосылку, лежащую въ основѣ всякой народно-хозяйственной дѣятельности“ превратили „въ конечный пунктъ, въ искомый законъ“ (Заработная плата, стр. 223). Въ своей другой работѣ онъ признаетъ, что „соотношеніе силы сторонъ“ является недостаточно опредѣленнымъ критеріемъ и спрашиваетъ: „можетъ ли такой широкій принципъ, какъ принципъ соотношенія соціальныхъ силъ, который является по своему содержанію соціологическимъ принципомъ, быть факторомъ опредѣленнаго ряда экономическихъ явленій (въ данномъ случаѣ явленій заработной платы и прибыли). Вѣдь соотношеніе соціальныхъ силъ общественныхъ классовъ есть соціальный фактъ, представляющій собою результатъ взаимодѣйствія самыхъ различныхъ элементовъ (сторонъ) сложной соціальной жизни: и политическаго, и правового, и экономическаго, и многихъ другихъ. Какимъ же образомъ мы можемъ его считать непосредственной первопричиной измѣненія опредѣленныхъ экономическихъ фактовъ и отношеній...?“ (Новыя идеи въ экономикѣ. I, стр. 35). Наконецъ, *П. Масловъ* говоритъ по поводу конечнаго вывода разбираемой теоріи: „Изложенная Туганъ-Барановскимъ «соціальная теорія заработной платы» въ общей формулировкѣ безплодна, при освѣщеніи же конкретныхъ явленій экономической жизни, невѣрна. Конечно, Туганъ-Барановскій правъ, что, если разсматривать заработную плату какъ часть общественнаго дохода, то она будетъ выше, если цѣлое больше, т. е. чѣмъ выше сумма общественнаго дохода и чѣмъ большую

долю этого дохода составляетъ заработная плата, тѣмъ большую сумму она составитъ,—выводъ настолько же правильный, насколько правильно, что часть меньше цѣлаго и что дважды два четыре. Но дальше этого глубокаго вывода «теорія» заработной платы, исходящая изъ такихъ абстрактныхъ посылокъ, не идетъ“ (Капитализмъ, стр. 306—7).

Заканчивая наше разсмотрѣніе соціальной теоріи распредѣленія, укажемъ на слѣдующее. Самое появленіе этой теоріи въ послѣднее время и успѣхъ ея въ рядахъ русскихъ авторовъ не случайны. Здѣсь дѣйствовалъ рядъ причинъ.

Съ одной стороны, повліяла недостаточная полнота нынѣшнихъ теорій доходовъ, особенно же теорій прибыли. Теоріи эти удѣляютъ слишкомъ мало вниманія исторически сложившимся и въ исторіи постепенно мѣняющимся различіямъ имущественнаго положенія разныхъ общественныхъ группъ и классовъ. На этотъ пробѣлъ нынѣшнихъ теорій обратили вниманіе нѣкоторые новѣйшіе теоретики. И въ этомъ ихъ серьезная заслуга. Но, какъ это обычно бываетъ, они преувеличили значеніе замѣченнаго ими пробѣла и вмѣсто простого пополненія нынѣшнихъ теорій, они рѣшили построить совершенно особую теорію. Это одна причина, породившая появленіе наряду съ другими теоріями доходовъ „соціальной“ теоріи.

Съ другой стороны, на появленіи разбираемой теоріи сказалось вліяніе многочисленныхъ новыхъ явленій въ сферѣ хозяйственной, правовой и политической жизни европейскихъ государствъ, явленій, существенно измѣнившихъ взаимное положеніе и отношеніе труда и капитала. Необходимость уложить эти новыя явленія въ теоретическую схему образованія доходовъ и недостаточная гибкость въ этомъ отношеніи большинства нынѣшнихъ схемъ явились второй причиной, толкнувшей нѣсколькихъ современныхъ теоретиковъ на построеніе самостоятельной „соціальной“ теоріи распредѣленія.

Наконецъ, появленіе этой теоріи, и именно въ той формѣ, какую она приняла у русскихъ экономистовъ, связано еще со слѣдующимъ обстоятельствомъ. Основнымъ положеніемъ тѣхъ авторовъ, которые въ русской литературѣ создали соціальную теорію распредѣленія, является идея *K. Marx'a* объ эксплоатаціи труда капиталомъ, какъ источникѣ прибыли. И, вотъ, еще не такъ давно положеніе объ эксплоатаціи получалось, какъ логическій выводъ изъ

трудовой теоріи цѣнности *Marx'a*. На лицо была какъ бы законченная теоретическая схема. Но критика, особенно работы экономистовъ австрійской школы, показали ложность трудовой теоріи цѣнности. Защищать ее не представлялось болѣе возможнымъ. Постепенно одинъ за другимъ отказывались отъ нея сами послѣдователи *Marx'a*. Тогда теорія эксплоатаціи повисла въ воздухѣ. Мало того, оставаясь послѣдовательнымъ, надо было распространить критику трудовой теоріи и на ученіе о распредѣленіи. Это начало угрожать теоріи эксплоатаціи въ глазахъ самихъ ея защитниковъ. Оставался одинъ способъ сохранить послѣднюю: оторвать теорію распредѣленія отъ теоріи мѣновой цѣнности. Такой разрывъ и представляетъ собою „соціальная" теорія распредѣленія въ ея разныхъ варіантахъ.

М. И. Туганъ-Барановскій самъ подтверждаетъ сказанное нами. Указавъ, что на принципѣ предѣльной полезности не удалось построить ученія о распредѣленіи, онъ пишетъ: „такъ какъ несостоятельность марксистской теоріи цѣнности была слишкомъ очевидна, то теоретическая мысль очутилась въ совершенномъ тупикѣ, изъ котораго выхода, повидимому, не представлялось. Соціальная теорія распредѣленія, развитая въ моемъ курсѣ, открываетъ такой выходъ" (Рус. Мысль, 1910. I, стр. 103). *М. И. Туганъ-Барановскій* сваливаетъ только вину съ больной головы на здоровую. Въ тупикѣ почувствовали себя вовсе не теоретики предѣльной полезности и не примыкающіе къ нимъ экономисты, а марксисты, потерявшіе свою основу — трудовую теорію цѣнности. Это видно изъ того, что не теоретики предѣльной полезности, не экономисты-математики и не современные американскіе экономисты, а *Bernstein*, *П. Б. Струве* и *М. И. Туганъ-Барановскій* строятъ „соціальную" теорію распредѣленія и ищутъ въ ней выхода изъ труднаго своего положенія. Особнякомъ въ этомъ отношеніи стоитъ *Stolzmann*, но онъ, какъ мы видѣли, и не отрываетъ теоріи распредѣленія отъ теоріи мѣновой цѣнности. Другимъ исключеніемъ изъ приведеннаго выше ряда экономистовъ является *П. И. Георгіевскій*, но, какъ показано нами, его „теорія общественности" во многомъ отлична отъ новѣйшей „соціальной" теоріи, и притомъ совершенно замалчивается авторами послѣдней. Любопытно, что *П. Б. Струве* въ своей полемикѣ съ *М. И. Туганъ-Барановскимъ* прямо объясняетъ построеніе послѣдняго: „не чѣмъ инымъ, какъ потребностью найти такую точку зрѣнія, съ которой можно было бы научно оправдать соціализмъ" (Рус. М. 1910. I, стр. 123).

Таковы условія, вызвавшія появленіе „соціальной“ теоріи распредѣленія.

Возникшая подъ вліяніемъ ихъ новая теорія можетъ внести свой цѣнный вкладъ въ трудный поступательный ходъ теоретической экономики. Но это произойдетъ лишь тогда, если здоровыя части разсматриваемой теоріи будутъ освобождены отъ ошибочныхъ и войдутъ въ научный оборотъ въ качествѣ извѣстныхъ дополненій къ построеннымъ до сихъ поръ теоретическимъ схемамъ.

Если же „соціальная“ теорія воспринята будетъ, какъ особая самостоятельная теорія, призванная смѣнить всѣ другія теоріи доходовъ, то она можетъ принести не мало зла. Если бы случилось это, новая теорія завела бы русскую экономическую мысль въ новый тупикъ, аналогичный тому, въ который она надолго попала подъ вліяніемъ трудовой теоріи цѣнности *K. Marx*'а.

Мы думаемъ, однако, что на этотъ разъ отъ подобной ошибки убережетъ бо́льшая зрѣлость теоретической мысли нынѣшней Россіи.

БИБЛИОТЕКА
Коммунистической
АКАДЕМИИ